

А. Краснов . СТРОМАТЫ

А. Краснов

СТРОМАТЫ



А. Краснов

СТРОМАТЫ

ПОСЕВ

© Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1972
Frankfurt/Main
Printed in Germany

«Строматы» — слово, освященное великим учителем Церкви III века Дионисием Александрийским, означает название разноцветного, узорчатого ковра. Оно прилагалось в древности к многоплановым, многотемным произведениям.

Орлиная песня

Трусость — мать всех пороков. Трусость, — и ничто другое. Трусость — проказа, разъедающая мою родную страну. Трусость, — вот та болезнь, которой больна моя родная, трижды больная Церковь.

Как принижает трусость человека: честный человек становится подлецом, свободный — рабом, благородный — холуем и хамом.

Трусость. Трусость и корысть правят ныне Русской Церковью в лице ее епископата, портят молодежь, проникают в алтарь, трупным ядом растекаются трусость и корысть по живому телу Церкви. Нужны примеры? Мы приводили их множество. Приведем еще один. Я имею большое неудовольствие близко знать одного из молодых епископов нашей Церкви. Я знал его еще тогда, когда он был иеродиаконем и только что окончил академию. Он был тогда честным парнем и искренним, строгим монахом, хотя никогда особенными талантами не блистал и никакими особыми способностями не отличался. Но он был добрым, хорошим человеком и принял монашество, отдавшись искреннему порыву. Помню, однажды я остался в его келье с одним священником, — хозяина вызвали по какому-то делу. Священник — мой товарищ — сел на его кровать и тотчас встал; молодой монах спал на голых досках, и мы по-

кинули его келью с теплым чувством. Потом начался стремительный взход его к вершинам. Иеромонах — помощник инспектора академии; архимандрит — инспектор. И наконец, блистательный рубеж: в тридцать лет он — епископ. Чтоб переступить этот рубеж, епископу пришлось, однако, несколько облегчить себя: расстаться со многими и многими хорошими правилами. Ему пришлось связаться с некоторыми весьма одиозными и имеющими весьма печальное прошлое и не очень почетное настоящее организациями. И вот, стоит он сейчас во главе ответственного церковного учреждения, тридцатитрехлетний молодой человек, без всяких знаний, без жизненного опыта, без чести, без сердца. И всеми его действиями руководить лишь одно: трусость, боязнь потерять теплое местечко. И эта трусость опустошила когда-то доброго и религиозного человека. Бесчувственный и бессердечный, он портит людям жизнь, окружает себя одними бездарностями.

Епископ, епископ, за какую чечевичную похлебку вы продали свое первородство?!

Мы привели лишь один из бесчисленных примеров нашей церковной действительности. Их можно было бы увеличить до бесконечности. Но почему говорить только о Церкви, — поговорим о науке.

Недавно умер один из ее жрецов, профессор Павел Сергеевич П-в. Это не был «жрец науки» в кавычках, это был действительно знающий и серьезный человек, один из последних представителей

старой русской интеллигенции. Окончив Московский университет в 1915 году, Павел Сергеевич всю жизнь провел в его стенах и окончил жизнь профессором. Он был автором ряда работ по логике и в течение 50 лет читал курс лекций в университете. Профессор интересовался вопросами антирелигиозной пропаганды, состоял почетным председателем кружка молодых атеистов Московского университета и печатал антирелигиозные статьи, — три раза в год ходил в церковь, исповедовался и причащался. Его ловили на этом; он отвечал своему начальству: «Я же должен черпать материал для своих статей».

Профессор писал знакомым священникам проповеди, подходил к ним под благословение, свою антирелигиозную деятельность он объяснял желанием... приносить пользу: «Ведь иначе моих статей печатать не будут», — говорил он.

Что руководило этим ученым человеком во всей его деятельности? Трусость и корысть. Корысть и трусость. А люди типа Чаковского, Михалкова, писатели, композиторы, артисты, выступающие с требованиями выгнать честных людей с работы, обливающие грязью осужденных невинно, оплевывающие все лучшие произведения нашей литературы? Что руководит ими?

Корысть и трусость.

Трусость и корысть.

Самое печальное — наблюдать, когда бацилла трусости и карьеризма проникает в молодежь.

И надо писать, писать для молодежи, ибо трусость и корысть, — страшные, умелые и ловкие враги, враги всего светлого, доброго, святого.

Но прежде чем бороться с трусостью, надо проникнуть в ее сущность, надо понять психологию труса.

Прежде всего трусы делятся на трусов спокойных и трусов воинствующих. Как это ни странно, — есть и такие трусы. Трус спокойный сидит в уголке и молчит. Он даже не прочь поаплодировать смелому человеку и пролить слезу над его участью. О себе он говорит, что он не дорос до смелости и самопожертвования. У него к тому же жена и дети.

Не то — трус воинствующий. Этот возводит свою трусость в главный закон бытия. Он готов заткнуть рот всем на свете. Он полон благородного негодования, когда кто-то говорит правду. Всякое проявление смелости и отваги он считает личным оскорблением.

Есть трусы-эпикурейцы и трусы-аскеты (да, да, как это ни странно, бывают и такие).

Трус-эпикурец — симпатяга. Из всех категорий трусов это — самый приятный. Этот, по крайней мере, не лжет и не изворачивается. Он циник, сельчак, добрый малый. Пусть дураки разбивают себе головы. Ему зачем куда-то соваться, когда в мире есть столько хороших кушаний, сладких вин, красивых женщин.

Не то — трус-аскет. У этого трусость поднята на высоту принципа.

Если это ученый, он трусит из преданности науке; если это писатель, он «жалеет читателя». Именно так выразился известный московский писатель — автор прогремевшего 12 лет назад романа, когда я обратился к нему с просьбой ходатайствовать за одного нашего общего знакомого, отданного под суд. Дело было неapolитическое, и ходатайство было совершенно безопасно, но великий писатель отказался, заявив, что он сейчас закончил новый роман и не может ставить его под угрозу («надо пожалеть и читателя»). Кстати сказать, с тех пор прошло уже шесть лет и бедный читатель все еще ждет романа.

Словом, трус-аскет никогда не думает о себе, ему для себя ничего не нужно, — он рад бы горы своротить, но он вынужден беречь себя. Вы думаете, ему легко трусить, — что вы, он подвиг совершает тем, что вас покидает в трудный момент.

Паустовский где-то очень тонко заметил, что воры очень не любят слово «украл», — они предпочитают говорить «взял». Трусы тоже не любят слово «трусость», — они обычно говорят «благоразумие», «осмотрительность», «осторожность».

Особый разряд трусов представляют собой трусы религиозные. Эти орудуют текстами («несть власти, аще не от Бога», и т. д.). Свою трусость они называют... «духовностью». Они все в Боге, они парят в небесах, они сотканы из тончайшего эфира, — им не до того, чтоб спускаться на грешную землю и заниматься людскими делами. Пусть кругом разбойничают, убивают, грабят, — они

спокойно проходят мимо: не могут же они прерывать молитву ради мирских дел.



Мы перебрали, таким образом, несколько категорий трусов.

Мы писали о них в юмористическом тоне. Но есть трусость — слабость, присущая почти каждому человеку, ибо она опирается на глубокие свойства человеческой натуры.

Чего прежде всего боятся люди? Считается, что больше всего они боятся смерти. Страх смерти якобы живет в каждом живом существе. Так говорят — и ошибаются. Далеко не каждому человеку свойствен страх смерти. Я однажды провел пять минут под направленным на меня оружейным дулом. Это было в феврале 1950 года в лагере. Меня поймал на «лыжнице» самоохранник. Для читателей, не сидевших в лагерях (есть, вероятно, и такие), поясню. Лыжница — это рубеж в лесу, сделанный лыжами, который не имеет права переходить заключенный. «Самоохранник» — одна из самых подлых разновидностей лагерной жизни. Это — заключенный с малым сроком, которому поручено охранять других заключенных: за предотвращение побега он получает полгода скидки с оставшегося срока и премию. Самоохранник, поймавший меня на лыжнице, пять минут обдумывал, что ему выгоднее — пристрелить меня на месте и выдать за беглеца или дать два выстрела в воздух

и сказать, что он предотвратил побег. Первое ему было бы выгоднее, и лишь незначительное обстоятельство заставило его отказаться от его намерения. Я отчетливо сознавал, что я близок к смерти, пытался молиться, настроить себя на серьезный лад, — увы, ни одной серьезной мысли у меня в голове не было: я смотрел на белый снег, казавшийся особенно белым при ярком солнечном свете, почему-то вдруг вспомнил одного из своих учеников, решительно ничем не замечательного, и его мать — заведующую комиссионным магазином, — и все. Мне так и не удалось ощутить не только страха, но даже приближения смерти. Точно так же я абсолютно не боялся бомбежки в ленинградскую блокаду, когда бомбы падали рядом с домом, а наш пятиэтажный дом качался, как пьяный. Не боялся я и артиллерийского обстрела, когда снаряды со свистом пролетали над головой. Это не было ощущение смелого человека — это было ощущение глупого человека, который в серьезный момент занят всякой ерундой. Я испытал ужас голода во время ленинградской блокады, — однако это был ужас именно голода, а не смерти. Тяжело сознавать себя мухой, попавшей в клей. Тяжело чувствовать все возрастающую слабость, — сознавать, что ты не можешь встать с кровати, сделать пять шагов по комнате, тяжело чувствовать себя в двадцать шесть лет восьмидесятилетним стариком, и, главное, тяжело все время думать о хлебе. И, тем не менее, ни минуты при этом не было у меня страха смерти, — я про-

сто как-то ни разу не подумал о том, что могу умереть.

В общем, смешно бояться насильственной смерти. Ужасна именно смерть естественная — в постели, среди смрада, страданий, со стонами, болями, врачами...

Такая смерть некрасива, мучительна, ужасна. Вероятно, не так уж трудно преодолеть страх смерти. Это подтверждает и опыт истории: на войне сравнительно мало трусов, в мирное время — хоть отбавляй. Я знал людей, которые достойно провели две войны и затем оказывались низкими трусами в стенах МГБ.

Самый сильный страх (более сильный, чем страх смерти) — это страх физической боли. Очень много людей, которые не боялись расстрела, — считанные единицы выдерживали пытку. В годы ежовщины было немало людей, которые подписывали показания, явно обрекавшие их на смерть, чтобы избежать пытки. Сильнейшие, мужественные революционеры, воины не вынесли пытки и капитулировали. Можно ли вообще преодолеть физическую боль? Да, все-таки можно. И здесь вспоминаются хрупкие, слабые девушки, которых жгли на медленном огне, у которых щипцами вырывали сосцы, отрубали руки и ноги, колесовали и мучили, чтобы они отреклись от Христа, — а они остались верными своему небесному Жениху.

Психология мученицы хорошо показана Церковью в тропаре св. мученице Параскеве Пятнице: «Премудрая и всехвальная Христова мученица

Параскева, — воспевают Церковь, — мужескую крепость приемши, женскую же немощь отвергши, диавола победы и мучителя посрами вопиючи и глаголющи: приидите, тело мое мечом ссецыте, и огнем сожгите, аз бо радующиеся иду ко Христу и Жениху моему, твоя молитвами, Христе, Боже, спаси души наша». Скажут, это неестественно. Точно так же говорят про монашество: это противоречит человеческой природе. Да, противоречит, поэтому мы и называем монашество чинном ангельским. Противоречит человеческой природе переносить страшные физические боли и не отречься от своих идей. Потому мы и называем такую стойкость сверхчеловеческой или (что то же самое) героизмом. Однако, как показывает жизнь, возможны не только истинное монашество, но и истинный героизм.



Можно ли, однако, требовать героизма от среднего человека? Можно. Во время войны никто не спрашивает, средний ты человек или не средний, — а прямо требуют от человека, чтоб он шел на смерть за свою родину и, может быть, претерпел бы (в случае тяжелого ранения) страшную физическую боль (сплошь и рядом тяжелораненные умоляют, чтоб их пристрелили). И абсолютное большинство мобилизованных находится вполне на уровне этих требований. Точно так же каждый человек может стать героем; надо лишь, чтоб он этого захотел и себя к этому принудил.

Средний человек, однако, мало думает о пытках, когда боится (мы ведь живем сейчас, к счастью, не в Китае). Тюрьма, нужда, нищета — вот что страшит человека. Напрасно. Впрочем, напрасно ли? Поговорим прежде всего о тюрьме.

8 июня 1949 года. Я переступал страшный порог Лубянской внутренней тюрьмы. Я вошел в страшную полутемную комнату, в которой сидело пятеро обросших, бледных людей (среди них, между прочим, Виктор Красин — мой нынешний товарищ, чья подпись стоит рядом с моей на довольно известном «письме двенадцати» в Будапешт).

Посредине камеры на столе лежала книга. Я подошел к столу и раскрыл: оказались стихи Саянова — весьма посредственного поэта. Загадал по книге, — вышло:

Путь твой далек, но смерть тебя минует.
Кругом враги. Но жизнь тебе легка. —
И в губы он шершавые целует
Спасителя, сохатого, быка.

Взглянул на заглавие: оказалось «Песня каторжника». Впоследствии я перечитал всего Саянова. Ни одного сколько-нибудь талантливого четверостишия. Но Господь устами этого посредственного поэта открыл мне мое будущее.

Я никогда и нигде не чувствовал себя счастливее, чем в лагере. Я вспоминаю и сейчас часы ночных молитв (я работал в лагерной больнице «медбратом»); я чувствовал Бога так близко, рядом —

и в эти минуты у меня вырывались слова: «Господи, дай, чтоб это счастливейшее время моей жизни длилось бы как можно больше». Действительно, вся моя последующая жизнь была лишь воспоминанием об этих счастливых часах.

Так я обрел свое счастье в несчастье, внутреннюю свободу в тяжелой неволе. И только там я нашел смысл изречения: «Царство Божие внутри вас».

От человека зависит быть счастливым, — и только от человека. И нет большего удовлетворения, чем то, которое испытывает узник, страдающий за свои убеждения. Конечно, из этого не следует, что тюрьма — это рай и надо стремиться туда попасть. Но не такой уже и ад, чтоб всю жизнь строить по принципу: «Лишь бы туда не попасть».

Тюрьма, лагерь — это особый мир, особая область жизни, и как всякая область жизни она имеет свои особенности, свои плохие и хорошие стороны.

Да, да, и свои хорошие стороны.

В лагерях самые разнообразные люди соединяются в большую семью, — здесь за колючей проволокой, посреди щебня и мусора подчас расцветают цветы истинной дружбы и истинного товарищества. Люди становятся здесь общительнее и бескорыстнее. Правда, многие здесь развращаются, опускаются до уровня животного. Но зато скольких людей тюрьма спасла от гибели, обновила нравственно, сделала героями.

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Еще менее страшна бедность. Известно шаблонное выражение: «Счастье не в богатстве». Однако жизнь все время поставляет все новые и новые примеры, как бы специально для иллюстрации этого старого правила. Приведем один из таких примеров.

Несколько лет назад меня часто посещал студент одной из наших академий (как известно, их две). Сын сельского священника, деревенский парень, отличался простотой и безыскусственностью и был, казалось, искренно привязан ко мне. Мне нравился его живой интерес к вопросам философским, религиозным, политическим, и я также искренно к нему привязался.

Затем он поступил в аспирантуру, стал преподавателем одной из наших семинарий (их, как известно, у нас три); словом, сделал карьеру. Разумеется, для этого ему пришлось порвать со мной. Сам высокопреосвященнейший митрополит Никодим уговаривал его покинуть меня. (Отплатить черной неблагодарностью за добро — это сущий пустяк, по мнению наших иерархов.) И вот, наш милый Вася — Ваня — Миша (одно из перечисленных имен действительно принадлежит лицу, о котором идет речь) внял увещаниями Владыки и начал новый путь. Сейчас он имеет и деньги, и карьеру, и обеспеченное положение. Не имеет он лишь одного — счастья. Не далось оно ему в ру-

ки, не далось, — что ты будешь делать! Нет счастья ни в семье, ни в жизни. И не радует его жизнь. И я уверен, что он часто вспоминает те времена, когда он, по вечерам, пробирался на автобусе в далекие Ново-Кузьминки. Тогда у него не было ни денег, ни своего угла, ни положения — но тогда он был счастлив.

И наконец, главное, что мешает человеку стать героем — семья.



Начнем с первого препятствия, которое стоит на дороге у человека, решившего посвятить свою жизнь какому-то большому делу. Таким препятствием являются родители. Как правило, родители крепко сжимают в объятиях своих детей (особенно когда речь идет о юношах и девушках, уже взрослых, но еще не вышедших полностью из-под родительской опеки) и говорят: «Через мой труп пойдешь ты на опасную дорогу».

Чувства родителей, конечно, можно понять. Ведь детей обычно любишь гораздо сильнее, чем себя. У меня нет родных детей, однако есть крестный сын, которого я люблю как родного. Когда он был арестован на моих глазах 22 января 1967 года во время митинга на Пушкинской площади, я пережил такие душевные муки, которых я никогда не переживал, когда арестовывали меня самого. Все семь месяцев его пребывания в тюрьме я чувствовал, что моя жизнь отравлена и ничто на све-

те мне не мило. И однако, и сейчас, после всего пережитого, на вопрос о том, что ему надо делать, я ответил бы то же, что ответил 21 января, накануне митинга: «Никогда никого не бойся; на трусость и на подлость я тебя не благословлю; жизнь, купленная ценой бесчестья, не имеет никакой цены». При этом, разумеется, нельзя смешивать смелость с безрассудством (от безрассудства можно и должно остерегаться), — но о том, чем отличается смелость от безрассудства, речь пойдет впереди.

Родители, которые хотят во что бы то ни стало охранять своих детей от всякой опасности, имеют неверное представление о том, что такое счастье. Под счастьем они понимают некоторый средний эталон благополучия, включающий в себя более или менее счастливую женитьбу, наличие квартирки с газом, — словом, весь антураж мещанского благосостояния. И они не понимают, что это часто не только не счастье, а путы, тюрьма для их детей, — более страшная, чем настоящая тюрьма. Ибо здесь гибнут все способности, таланты, покрываются плесенью все добрые качества — и человек приходит к концу жизни с мучительным чувством неудовлетворенности и тоски.

Однако не будем говорить только об отрицательных примерах, — укажем и на положительные.

Много лет назад я знал мать одного ленинградского священника. Она была примером настоящей матери, и о ней можно написать роман, не

уступающий по силе горьковскому. Правда, она никогда не декларировала о своей любви к человечеству, она не разносила листовок и не произносила слов «о морях крови, которые не затопят правды». Она была обыкновенной русской женщиной, очень доброй и любящей до безумия своего единственного сына.

А любила она сына так, как любит редкая мать. Даже в еврейской среде, где любовь к детям доведена до крайнего предела, я никогда не видел такой всепоглощающей любви.

И к всеобщему изумлению, когда ее сын готовил очень смелое письмо митрополиту Сергию, она не только не удерживала его, но даже торопила. Ей однажды сказали: «Понимаете ли вы, что его за это могут подвергнуть самым ужасным лишениям?» Она ответила: «Пусть подвергнут. Я буду гордиться таким сыном».

Когда письмо было подписано и отправлено, она сказала: «Слава Богу. Он сказал им то, что я всю жизнь хотела сказать, но не знала как. Он сказал им это за меня».

Матерью, которая вела себя столь же достойным образом, является Людмила Ильинична Гинзбург. Я познакомился с ней в трудную для нее минуту, во время процесса, — и сразу почувствовал к ней уважение за ее мужество, стойкость, настоящую, большую любовь к сыну.

Покойный ленинградский священник и революционный литератор — бесконечно разные люди.

И дело их тоже разное. Очень непохожи друг

на друга и их матери; непохожи во всем, кроме одного. Это женщины с большим сердцем, — какими жалкими кажутся по сравнению с ними родители-обыватели с их кошачьей любовью к детям.

Родительская любовь — желание удержать детей от участия в опасном деле — это, однако, сравнительно легко преодолимая преграда. Милые детки довольно легко (иногда даже чересчур легко) через нее перепрыгивают. Объясняется это тем, что дети почти всегда любят родителей (и в этом трагедия отцовской и материнской любви) гораздо меньше, чем те их любят.



Гораздо более серьезное препятствие возникает перед идейным человеком, когда он обзаводится собственной семьей. Семейный вопрос — это вообще проклятый вопрос. О нем много писали в прошлом веке, причем тогда он трактовался, в основном, с точки зрения раскрепощения женщины. Вопрос женского равноправия породил не только искренний, хотя и страшно нудный роман «Что делать?» (мои коллеги — учителя литературы совершенно напрасно это отрицают), но и гениальную ибсеновскую «Нору» и блестяще написанную пропагандистскую брошюру Бебеля, переведенную на все языки, — «Женщина и социализм».

Авторы всех этих произведений (от Ибсена до Бебеля), ратуя за освобождение женщины, позабыли сказать о том, что не меньше женщины поработены в семье и мужчина.

Женщина цепко держит его около домашнего очага, претендуя на то, чтоб «души прекрасные порывы» посвящались не отчизне, как об этом писал Пушкин, не большому делу, которое является духовным призванием человека, а сосредотачивались бы, в основном, около ее юбки.

В последнее время много писали о культурном росте женщины в нашей стране. Однако судьбы женщин в нашей стране неотделимы от судеб всей нашей интеллигенции и всего нашего народа. Как неоднократно указывалось многими искренними наблюдателями, распространение культуры в нашей стране пошло быстрым темпом после революции, однако за счет глубины культуры. Если взять стакан чая и разлить его по тарелке, чай будет покрывать большую плоскость, но разольется он совсем тонким слоем. Наша культура — это чай, разлитый по тарелке. В прежнее время всякий человек, имеющий высшее образование, имел общее развитие — знал литературу, историю, умел держать себя в обществе, обладал культурой в быту. Интеллигентские семьи носили на себе отпечаток некоторой утонченности. Совершенно невозможно себе представить, чтобы в среде старых интеллигентов муж бил жену или жена била мужа, чтоб жена бегала жаловаться на мужа, вынося на белый свет все самые сокровенные подробности семейной жизни. Сейчас — это все самые обычные вещи в нашем быту, в среде интеллигенции. Этот семейный быт, — взаимными потасовками, беганьем (при каждой ссоре) по всевозможным ин-

станциям — накладывает особый колер пошлости на человеческие отношения, отравляет интеллигентных, культурных людей, отвлекает их от больших дел. И снова, и снова повторяется в семейном кругу извечная трагедия чеховского Ионыча — превращение интеллигентного человека в кусок мяса. Все дело в том, что брак часто рассматривается, как какая-то неволя. В первое время эта неволя сладкая. Мужчине нравится находиться в сладком плену у любимой женщины, которая не отпускает его от себя ни на шаг и властно распоряжается им, как своей собственностью. Через 2-3 года, когда страсть проходит, сладость и очарование разлетаются, и плен становится унылым пленом, который раздражает, стесняет, управляет жизнью, тяготит. Вот отчего так мало счастливых браков, — и так много браков несчастных. И уж совершенно исчезает в этом семейном сумраке идея — идея свободная и смелая, требующая отваги, самопожертвования, героизма.

Между тем, брак есть не неволя, а свобода — свободный союз двух свободных людей. Муж и жена берут на себя лишь одно обязательство — быть верными друг другу. Во всем остальном они свободны. Однако для того, чтобы семейная жизнь была красивой, исполненной поэзии и света, надо, чтоб супругов объединяла великая идея. Там, где супругов объединяет служение идее, там «домашняя церковь» (по апостолу Павлу), там творческое содружество, там счастье; там, где нет

этой идеи, — там проза, кухня, склока, мещанство и пошлость.

Мне приходилось видеть чудесные семьи, где жена не удерживает мужа от подвига, где она стоит рядом с ним, спокойная и смелая, всегда готовая разделить с мужем любую опасность. Вся жизнь в такой семье окутана романтической дымкой, — и супруги никогда не скучают, не тягостятся друг другом. Я видел такие среди русских сектантов — хороших русских сектантов, для которых опасность стала традицией. В их семьях всегда ощущается какая-то тихая, любовная нежность, и мне, православному, всегда было хорошо и тепло, когда я бывал в домах у сектантов.

Я видел и хорошие священнические семьи (особенно в двадцатые и тридцатые годы, когда опасность нависала над каждым честным священником).

И наконец, я вижу и теперь такие семьи в среде людей, борющихся за свободу.

Я хочу рассказать здесь о женщине — матери трех детей, которая является верной помощницей мужу в его беспокойной, суматошной жизни и которая ни разу не удержала мужа ни от одного благородного поступка и ни разу не сказала ему ни слова упрека.

Я хочу рассказать о другой женщине, жене известного человека, носящего имя знаменитого командарма, которая познакомилась с мужем в лагерях, прошла с ним тяжелый жизненный путь и

сейчас стоит рядом с ним, помогает ему во всей его героической деятельности на благо Родины.

А что сказать мне о невесте Александра Гинзбурга, трижды подававшей заявление о браке с заключенным женихом, о Ларисе Даниэль-Богораз, об Ольге Тимофеевой — жене Юрия Галанскова?

Нет, не умерли еще женщины, подобные, жене Аввакума, подобные декабристкам! Слава, слава героическим женщинам!

С них берите пример, русские девушки и женщины!

Мы, однако, еще не рассмотрели главного аргумента, который выдвигает женщина в своих требованиях к мужчине — вести себя тише воды, ниже травы.

Аргумент этот — дети.

Аргумент серьезный и убедительный на первый взгляд. Но лишь на первый взгляд. Представьте себе девушку, которая вышла бы замуж за летчика. Муж ее — человек опасной профессии. Каждый день он рискует жизнью, и никогда нет уверенности в том, что, уходя утром из дома, он вечером вернется домой. Одного неверного движения достаточно, чтобы летчик рухнул вниз с самолетом и разбился, как стеклянный стакан. И, однако, ни одна женщина не потребует, чтоб летчик бросил свою профессию ради детей. Не требует этого ни жена моряка, ни жена шофера, ни жена акробата, который ежевечерне рискует жизнью под куполом цирка. Но жены священников требуют иной раз, чтобы мужа их сидели ти-

хохонько-смирнехонько и не рыпались. Но жены писателей иной раз требуют, чтоб их мужья сидели бы с замазанными ртами и писали бы всевозможный апробированный вздор. Конечно, жены священников и писателей ничем не хуже других жен.

Мы привели их здесь в качестве примера, потому что священник и писатель в наше время — это профессии, требующие особого самопожертвования.

И священнические и писательские жены, отвлекающие своих мужей от их служения, берут на себя особенно тяжкую ответственность.

Нет, не о детях пекутся они, — они трусят за свое утлое существование. А дети... детей, действительно, любить надо. Ибо дети — будущее человечества. И от того, какими они будут, зависят судьбы мира. И надо их воспитывать смелыми, отважными, свободными. Но воспитание — это не слова; воспитание — это живой пример.

Представьте себе учителя литературы — русской литературы, которая является, в основном, апологией героизма. Учитель литературы говорит с утра до вечера красивые слова о героизме — воспекает Чернышевского, Добролюбова, Рахметова, Павла Корчагина, — сам же боится сказать хоть одно смелое слово, восхваляет только тех, кого можно восхвалять, охаивает тех, кого велено охаивать. Спрашивается — воспитывает ли он героев? Нет, воспитать он может лишь двурушников и подлецов.

Сегодня — неделя всех святых. Я был в церкви и слышал сегодняшнее евангелие. Отец диакон, стоя на солее, читал с большим чувством следующие слова (привожу их в русском переводе):

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 37-38).

Я слушал эти слова и вдруг мне стало страшно за того, кто их читал: хватит ли силы у отца диакона выполнить в своей жизни эти слова. Ведь середины тут быть не может: или благовеститель Божественных глаголов или жалкий обманщик и лицемер, который за деньги провозглашает правила, которых и не думает исполнять.

Среди духовенства были и есть благовестители огненных глаголов, — и дети этих людей поистине счастливые люди; всю жизнь они хранят в своих сердцах память об отцах.

Но есть среди нашего духовенства и было всегда много лицемеров, лживых глашатаев громких слов. Не потому ли из священнических семей выходили самые страшные атеисты? Лучше для человека нуждаться в детстве и быть сыном славного отца, чем роскошествовать, жрать пирожные, ходить в плюсовых шубках и иметь отца — труса и тряпку, которого нельзя и не за что уважать. И опять приходят на память дни Отечественной войны. Разве спрашивал кто-нибудь тогда у человека — жалко ли ему детей? Сколько отцов ухо-

дило и не возвращалось, — и ни один ребенок не погиб, все остались живы, стали взрослыми мужчинами и обзавелись семьями. Пусть же будут достойными сынами достойных отцов.

Да и так ли уж любят они своих детей? Не являются ли дети лишь ширмой, за которую прячутся эгоизм, корысть и лицемерие?

И тут мне хочется рассказать об одном случае, происшедшем в давние времена.

32 года назад, в день смерти А. М. Горького, группа студентов Института им. А. И. Герцена хотела послать соболезнование по поводу смерти великого писателя. Соболезнование должно было быть не совсем обычным. Под видом соболезнования мы намеревались высказать многие горькие истины о плачевном состоянии нашей литературы.

Как вдруг один из студентов-старшекурсников сдрейфил и отказался подписать документ. Я уговаривал его в течение двух часов. Всем моим уговорам он противопоставлял один аргумент: «У меня — двое детей». Через два года мне вновь пришлось вести переговоры с этим парнем. На этот раз я выступил в качестве посредника между ним и его женой. Дело в том, что чадолюбивый папаша за это время успел, увлекшись смазливой, но пустой девчонкой, бросить свою жену с двумя детьми и отказывался дать на прокормление детей даже те гроши, которые он обязан был дать по закону (жена — очень порядочная женщина — не хотела подавать в суд). На этот раз на все мои уговоры следовала в ответ следующая

фраза: «Не могу я отдать жизнь детям, — я должен жить и для себя. Я же настоящий мужчина и умею влюбляться». — «Какой ты мужчина? Ты трус и проститутка», — со свойственной мне запальчивостью ответил я и вышел, хлопнув дверью. Разумеется, мы привели здесь крайний случай. В жизни редко встречаются столь резко очерченные краски, — обычно господствуют полутона. Тем не менее, я скептически отношусь к родительской любви труса. Родная сестра трусости — эгоизм, а не любовь. Любовь труса к детям — это тоже не настоящая любовь, а мелкотравчатая животная привязанность.

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение: боящийся не совершен в любви» (1 Ио. 4, 18).



Я никогда не любил фанатиков. Фанатиков в обычном смысле этого слова, потому что фанатизм в этом понимании — ограниченность и глупость.

Православный священник, который отказывается понимать католика; сектант, который убежден в том, что всякий, кто не принадлежит к его секте, осужден на вечные муки; коммунист, который утверждает, что «истина открыта четырьмя гениями (Марксом-Энгельсом-Лениным-Сталиным) и хранится в Политбюро» (этот афоризм принадлежит, правда, не коммунисту и не фанатику, а

ловкачу, который желал выдать себя за фанатика, А. Н. Толстому, и относится к 1939 году), — все эти люди вызывают во мне смешанное чувство: страха и жалости, то самое чувство, которое испытываешь в присутствии душевнобольных и неизлечимых идиотов.

Но есть и фанатизм истинный, и такой фанатизм вызывает во мне глубочайшее уважение.

Ибо пора, наконец, вернуть этому слову его подлинный, первоначальный смысл.

И слово это имеет чарующий и страшный смысл, ибо корень этого слова — фанатос — смерть. Фанатик — смертник, человек, готовый на смерть за свои убеждения.

И где нет фанатизма, там нет подлинной убежденности, — там теплопрохладность, вялая пустота.

Мы должны воспитывать подлинных фанатиков и сами все должны стать фанатиками, идущими на смерть за свои убеждения — за Правду, за Родину, за Свободу.

Фанатик, который идет на смерть за Христа, — это исповедник и мученик. Фанатик, который гибнет за Родину, — это патриот. Фанатик, который отдает свою жизнь за социальную справедливость, — это революционер. Фанатик, который отдает свою жизнь своему призванию, целиком уходит в работу, — это труженик.

И, по существу, из этих четырех типов складывается идеал человека, на этих четырех (а не трех)

китах стоит мир, в сочетании этих четырех типов находится будущее человечества.

Итак, да здравствуют мученики, патриоты, революционеры и труженики.

И прежде всего, да здравствует фанатизм — готовность идти на смерть, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ио. 15, 13).

Слово христианина

О ПОДЛИННОЙ СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА

Я поделился с читателем своим жизненным опытом. Я призывал к смелости, к смелости и еще раз к смелости. Но ведь я не просто пожилой человек, вплотную подошедший к жизненному пределу.

Я христианин. И тотчас возникает вопрос, насколько совместимы эти призывы с христианством. Ведь, согласно общему мнению, христианство — это смирение, покорность, углубление в себя. Смелость — это внешнее действие, это энергия доведенная до предела, это самоутверждение. Итак, насколько можно считать пишущего эти строки христианином?

Особенно странно слышать такие призывы от православного христианина — сына Русской Православной Церкви. Ведь здесь смирение поднято на степень высшей христианской добродетели. Монахи, создавшие ту духовную среду, которой в течение тысячи лет жила святая Русь, выразили идею о примате смирения над всеми добродетелями в чеканном афоризме: «Послушание паче поста и молитвы».

В самом деле, трудно себе представить преподобного Серафима в содружестве с революционером, Феофана Затворника плечом к плечу с Гер-

ценом или, скажем, Амвросия Оптинского рядом с Плехановым. Дело здесь не просто в разнице убеждений, — дело здесь в разнице психологических типов: тип православного русского человека и тип русского революционера полярно противоположны, внутренне несовместимы. Было бы совершенно напрасной тратой времени это отрицать.

Нельзя, однако, сводить христианство к Русской Православной Церкви.

Ибо главное в христианстве — Христос.

Христос же шире и глубже не только той или иной национальной формации христианства, не только той или иной конфессии, но шире и самого христианства.

Ибо христианство исторично, а потому ограничено. Христос внеисторичен, а потому универсален.

Назначение христианства состоит в том, чтобы на протяжении столетий отражать Лик Христов. Но в каждый исторический момент христианство отражает лишь один из аспектов личности Единородного Сына Божия, — отсюда неполнота, недостаточность, ущербность исторического христианства.

На Русь христианство пришло из Византии, из Византии, уже клонящейся к упадку. Это была Византия, познавшая Исавров, императоров-иконборцев и венценосных негодяев типа Константина Копронима. Это была Византия, сломленная пятисотлетним рабством, оскудевшая, развращенная, подобно заржавевшему сосуду, в котором

хранилось, однако, драгоценное содержание — святое православие.

И Византийская церковь сильно оскудела к этому времени. Уже давно умерли Златоусты, Василий Великие, Григории Богословы, Федор Студит и Иоанн Дамаскин. Эти последние религиозные титаны, которых знала Византия, умерли за 300 лет перед этим, не оставив наследников. Православие принесли на Русь раболепствующие епископы и дипломаты.

Однако святая Русь приняла православие и взрастила благодатное монашество, которое, выйдя из киевских пещер, просветило Русь.

Вместе с Евангелием Христовым святая Русь восприняла и крепкую монархическую традицию. Церковь в России всегда выступала сторонницей сильной централизованной царской власти. Плохо это было или хорошо?

Это было хорошо в определенную эпоху и исторически неизбежно, ибо только монархическая власть могла спасти Россию от порабощения оголтелой татарвой. Однако постепенно вся повседневная деятельность Церкви так переплелась с монархическим режимом, что трудно стало различать, где кончается Церковь и где начинается монархия. Русская Церковь превратилась в государственную церковь, — смирение стало основной добродетелью на Руси, — а затем смирение переродилось в раболепие, в трусость, в эгоизм.

Разумеется, все эти переходы делались постепенно, — и со временем стало аксиомой для рус-

ских людей, что рабская покорность — это чуть ли не синоним христианства.

Что надо сделать для того, чтобы выявить подлинную сущность христианства?

Для этого надо прежде всего вооружиться смелостью и, обратясь к Евангелию, отбросить бестрепетной рукой все позднейшие наслоения, налипшие в течение веков.

И я открываю Библию бестрепетной рукой:

«И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Бытие 32, 24-28).

Каким страшным кошунством звучат эти слова для уха, привыкшего к елейным славословиям. Но Бог — не человек, чтоб льститься на хвалы; но Бог — не человек, чтоб требовать раболепства. Но Бог — не человек, чтоб поощрять слабых и трусливых. Смелость и отвагу любит Господь. Мужу силы открывается Он: «Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт. 32, 29-30).

И эту силу, энергию, жизненную напористость передал Иаков сыну своему Иосифу. Когда мы читаем о том, как Иосиф прошел победный путь от рабства до царских чертогов, мы видим человека, борющегося с жизнью, умеющего отстаивать свое право на жизнь: «И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах, и жил в доме господина своего, египтянина. И увидел господин его, что Господь с ним, и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех» (Быт. 39, 2-3). Муж силы и энергии — непреодолимый боец Моисей. И мужи израильские — богатыри Самсон, Гедеон и другие. И Давид — победитель Голиафа. И вот мы подходим к горьким страницам книги Иова.

О книге Иова много писали, однако, написанное не исчерпывает и десятой доли того, что можно написать. Мы здесь хотим указать некоторые аспекты этой книги.

Иов — праведник. Но праведность его совершенно особого типа: он абсолютно лишен елейности, внешнего благочестия. Он говорит о Боге без почтительного придыхания; он обращается к Богу с бурными, огненными речами, с той порывистой страстностью, на которые дает право лишь подлинная любовь и страдание.

«Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета. Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его? До-

коле же Ты не оставишь, доколе не отойдешь от меня, доколе не дашь мне проглотить слюну мою? Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость? И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? Ибо, вот, я лягу в прахе; завтра поищешь меня, и меня нет» (Иов 7, 16-21). На это следует отповедь благочестивого друга Вилдада Савхейнина. Набожный Вилдад потрясен и шокирован резкостью Иова; ему она кажется кощунственной: «Долго ли ты будешь говорить так? — слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду? Если сыновья твои согрешили пред Ним, то Он и предал их в руку беззакония их» (Иов 8, 2-4). Иов на мгновение успокаивается, начинает говорить языком Вилдада, но страстная натура Иова, потрясенного страшным горем, свалившимся на него, через мгновение берет верх; на этот раз Иов бросает Богу упрек в несправедливости: «Кто в вихре разит меня и умножает безвинно мои раны, не дает мне перевести духа, но пресыщает меня горестями. Если действовать силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным. Невинен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного. Если этого поражает Он бичом вдруг, то попытке

невинных посмеивается. Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же?» (Иов 9, 17-24). И опять слышатся мерные речи защитников Бога, но на этот раз они уже также и возмущенные речи. Говорит Софар Наамитянин, его речь — призыв к покаянию; он призывает Иова признать себя грешным и виновным, очиститься от беззаконий и грехов. Но Иов не сдается. Он все более и более входит в раж, он снова обращается к Богу; огненная страсть, огненный гнев звучат в его голосе, — и подобно Иакову, он борется с Богом: «Сколько знаете вы, знаю и я; не ниже я вас. Но я к Вседержителю хотел бы говорить, и желал бы состязаться с Богом» (Иов 13, 2-3).

«Вот, я завел судебное дело; знаю, что буду прав. Кто в состоянии оспорить меня? Ибо я скоро умолкну, и испущу дух. Двух только вещей не делай со мною, и тогда я не буду укрываться от лица Твоего: удали от меня руку Твою, и ужас Твой да не потрясает меня. Тогда зови, и я буду отвечать, или буду говорить я, а Ты отвечай мне. Сколько у меня пороков и грехов? Покажи мне беззаконие мое и грех мой» (Иов 13, 18-23).

Все присутствующие возмущены. Елифаз Феманитянин замечает: «Да ты отложил и страх, и за малость считаешь речь к Богу. Нечестие твое настроило так уста твои, и ты избрал язык лукавых» (Иов 15, 4-5). И горький ответ Иова: «Многоречивые друзья мои! К Богу слезит око мое. О,

если бы человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим! Ибо летам моим приходит конец, и я отхожу в путь невозвратный» (Иов 16, 20-22).

Итак, состязание с Богом, спор, борьба и в то же время горячая, преисполняющая вера. И ответ Бога из огня и бури:

«И было после того, как Господь сказал слова те Иову, сказал Господь Елифазу Феманитянину: горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. Итак возьмите себе семь тельцов и семь овнов и пойдите к рабу Моему Иову, и принесите за себя жертву; и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. И пошли Елифаз Феманитянин и Вилдад Савхейнин и Софар Наамитянин, и сделали так, как Господь повелел им, — и Господь принял лице Иова. И возвратил Господь потерю Иова, когда он помолился за друзей своих; и дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде» (Иов 42, 7-10).

Книга Иова есть лишь развернутое повествование о борьбе человека с Богом. Она повторяет во всех основных моментах рассказ Книги Бытия о борьбе Иакова. И здесь борьба и страшный след от этой борьбы на теле человека и страшное упорство и сила человека — и благословение Богом человека в заключение борьбы. Так Господь благословляет в Ветхом Завете духовную силу, энер-

гию, волю к борьбе, ибо Он есть Бог браней и Господь побед — Господь страшный и сильный, — воля и духовная мощь есть и Образ и Подobie Божие в человеке.

Эта мысль выражена ясно и отчетливо во всем Ветхом Завете, — все ветхозаветные праведники от Моисея до Илии, от Давида до огненного сонма пророков Божиих, — четырех великих и двенадцати малых (малые тоже великие, малыми они называются по размеру составленных ими книг) — это концентрированная воля, огненная энергия, сверхчеловеческая мощь.



Ветхий Завет — огонь, — и он ясен и убедителен, как огонь. Ибо что может быть проще и сильнее огня. Недаром Гераклит считал его основой мира. Не то Завет Новый. Завет Новый — и огонь, и вода, и сила, и голубизна.

Ибо Ветхий Завет национален, однотонен, однолинеен. Новый Завет — универсален. Очень просто увидеть, стоя на берегу озера, другой берег.

Попробуйте, однако, разглядеть другой берег океана. Не то что трудно, но и невозможно. Остается пересечь океан.

Ветхий Завет — огненное, бурлящее озеро. Новый Завет — океан, то ласковый, то бурный. Очень трудно ошибиться в отношении того, что находится на том берегу озера. Очень легко об-

мануться и обмануть других насчет другого берега океана. Людям свойственно упрощать сложные и малопонятные явления, поэтому вульгаризация — это неотъемлемое свойство всякой сферы человеческой деятельности. Есть вульгаризированная наука, вульгаризированное искусство, вульгаризированная идеология. В свое время много писали о вульгаризированном марксизме, о вульгарном социологизме.

Существует и вульгаризированное христианство. Одной из таких вульгаризаций является мнимое смиренная проповедь, поощряемая князьями церкви, требующими смирения от других и менее всего прилагающими это требование к себе. Это вульгаризированное христианство, подслащенное и кастрированное, не имеет, однако, ничего общего с христианством подлинным. Ибо христианство подлинное — это не слабость, а сила, — не скулеж, а проповедь, не шепот, а полный голос, не прилаживание и приспособление к лжи и насилию, а обличение и изгнание торгующих из храма, не плесень, а жизнь, не тление, а огонь, не мир, но меч. И в то же время христианство — это крест, это страдание за правду, это любовь.

О Любви Христовой мы писали неоднократно. И в письме к Никодиму Ротову о социализме, и в статье о Патриархе Алексии (в ответ на запрещение двух московских священников), и в нашей прошлогодней работе «Христос и Мастер».

И теперь мы снова и снова будем говорить о любви. Без любви все меркнет и тускнеет, даже

добродетели и сама истина. У самого интересного из современных католических писателей Генриха Бёлля в романе «И не сказал ни единого слова» есть эпизод. Герой романа — неудачник, деклассированный интеллигент, но человек с тонкой душой и добрым сердцем, верующий католик — слушает по радио выступление местного епископа. «Я никогда не мог понять, почему он всегда говорит так скучно, — замечает при этом герой романа, — ведь истина не может быть скучна. И я понял, что епископ просто глуп». Мы позволим себе не согласиться с симпатичным героем этого великолепного романа. Епископ, вероятно, не глуп, а теплохладен — у него мало любви. А что может быть скучнее добродетели без любви. Слово «добродетель» навеивает тоску, потому что говорили и писали о добродетелях в течение столетий люди без любви.

Всякое людское качество без любви тотчас превращается в свою противоположность.

Благочестие без любви — вялая и напыщенная болтовня, не нужная ни Богу, ни людям.

Смирение без любви — низкопоклонство и раболепство.

Семейная привязанность без любви — мещанство.

Но и смельчак без любви — это бретер и головорез.

И здесь перед нами возникает новый соблазн. Гордость. Ибо гордость — это также не выдумка каких-то людей, специальностью которых являет-

ся нравственное богословие, а жизненная реальность. Но что такое гордость?

Гордость — это воля, но воля без любви. Воля без любви приводит человека к превозношению, к тому, что он считает себя выше других.

Одно из самых гениальных произведений XIX века — «Брандт» Ибсена. Героем этой драмы является непреклонный пастор — смелый и неподкупный обличитель зла и пороков. Он открыто выступает против сильных мира сего, навлекает на себя всеобщую ненависть, лишается места, и остается совершенно один — даже любящая жена покидает его.

И вот, конец. Он идет в горы. И навстречу ему движется снежная лавина. Сейчас она рухнет и задавит его. И тогда бросает Брандт вызов Богу:

«О Боже! Ответь хоть в последний час жизни моей».

Лавина с шумом обрушивается и погребает Брандта.

Брандт так же, как Иаков и Иов, состязаются с Богом. Но он выходит из этой борьбы разбитым, потому что у него нет любви, а у Иакова и Иова не только борьба, но и любовь. Воля без любви — это и есть гордость.

Трагическая фигура Фридриха Ницше — падшего гения — пример концентрированной воли без единой капли любви. Христос — это воля и любовь. Это — любовь и воля. Христос проповедует любовь. Он все отдает людям, ничего не оставляя Себе.

О ЗАПОВЕДЯХ БЛАЖЕНСТВА

Нагорная проповедь начинается со слов:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3).

О какой нищете здесь идет речь? Примером такой нищеты является Сам Христос. Он отдал людям все. Извечная Премудрость и необмененное Слово Отчее — в лоне Марии Он маленькая точка.

Он затем назаретский Плотник, полунищий странник, распятый преступник.

Он отказался без сопротивления,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства
И был теперь, как смертные, как мы.

(Б. Пастернак «Гефсиманский сад»)

Но и из смертных Он стал самым последним, лишившись всего, чем дорожат люди.

Он отдал людям даже то последнее, что является единственным утешением друзей народа, страдающих за народ, — народную любовь.

Ибо Христова любовь к людям — это любовь без взаимности. На Голгофе люди отвечают Ему не только ненавистью и злобой, но и (что страшнее всего) равнодушием. Этот момент хорошо выражен в стихотворении одного современного церковного поэта В. С. Бороздинова, которое попало нам в руки. Приведем его здесь:

ХРИСТА РАСПЯЛИ

На Голгофе Христа распяли
Под насмешки и под плевки.
А народ глаза свои пялил
И орал и давил зевки.
Говорили: немало погибло
И простых и великих людей.
Стал Он жертвой народного выбора.
Амнистирован был злодей.
Впились в небо пронзительно очи,
Углубленные бездной мук.
И кровавились рваные точки
Раздиравшихся медленно рук.
А народ глаза свои пялил,
И орал, и давил зевки.
На Голгофе Христа распяли
под насмешки и под плевки.

Нищета духовная — смирение — есть подражание Христу, — самоотвержение, самопожертвование — или это все что угодно, но не смирение. Нищета духовная — смирение — есть в то же время послушание Богу, Богу, а не человекам. Об этом с предельной ясностью говорит апостол Павел: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным*

* То есть послушным Богу.

даже до смерти, и смерти крестной» (Филиппийцам 2, 5-8). Таков голос подлинного христианства. Не то говорит христианство вульгаризированное. Чиновники в рясах превратили самоотвержение в заповедь чинопочитания, покорность Богу подменили покорностью людям, бесстрашное служение истине — трусливым прислужничеством лжи.

Вторая заповедь гласит: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

О каких плачущих здесь идет речь? Обычно отвечают: плачущих о своих грехах. Это, конечно, верно, но не полно.

Христианин не может быть равнодушен к несправедливости, ко злу, к неправде.

Он обостренно воспринимает окружающую его несправедливость; малейшая обида, нанесенная людям, больно ранит его, — поэтому ему свойственно трагическое восприятие жизни. И в конце трагедии — катарсис — очищение и просветление, ибо кто плачет о своих собственных грехах и о неправдах мира, тот и исправляет их.

Третья заповедь гласит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Рядом со смирением стоит кротость. Обычно кротость понимают как полное безмятежие, когда человек не раздражается сам и не раздражает других. Это, конечно, верно. Но лишь с той оговоркой, что здесь запрещается раздражение по

личным мотивам. Ибо примеры священного гнева (а, следовательно, и раздражения) мы встречаем почти на каждой странице Евангелия (не говоря уже о Библии). Однако в личных отношениях Евангелие проповедует безмятежность и кротость. Точнее — евангельский дух исключает личное раздражение.

Личное раздражение часто возникает из-за денег, из-за тленных, мирских благ. Но христианам чуждо приобретательство. Можно ли себе представить, например, чтоб Христос поссорился с кем-нибудь из-за денег, из-за имения, из-за какой-нибудь неотданной вещи. Нет, этого представить нельзя.

«Итак, не заботьтесь и не говорите: 'что нам есть?' или: 'что пить?' или: 'во что одеться?' Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6, 31-32).

Ссоры между людьми возникают, однако, не только из-за материальных благ. Самолюбие, честолюбие, взаимная раздражительность порождают ссоры, которые берут огромное количество энергии, истощают и опустошают внутренне людей. В связи с этим необходимо коснуться заповеди о непротивлении злу силой, так как именно эта заповедь является причиной укоренившегося представления о христианстве, как о религии рабской покорности. Но для того, чтобы понять эту заповедь, надо представить себе психологию евреев того времени.

Евреи — народ восточный, им присуща и в наши дни повышенная эмоциональность. Еврейские похороны — сплошные стенания, крики, рыдания. Во время молитвы евреи кричат. Любовь к детям и родителям — все это доводится евреями до крайности. И одно из проявлений этой повышенной эмоциональности — вспыльчивость, доведенная до патологических масштабов. Эта патологическая вспыльчивость, унаследованная мною от отца и деда, хорошо мне известна и иной раз толкает меня на такие подвиги, которые доставляли очень мало удовольствия и мне самому и окружающим. Эти припадки вспыльчивости, когда перед глазами начинают прыгать кровавые мальчики, по телу пробегают мурашки, и человек плохо сознает, что он делает и где находится, приходя в полубредовое состояние, причем без особо серьезных поводов, — представляют собой специфику всех восточных народов. Если эта черта не изгладилась у евреев до сих пор, после многих веков европейской цивилизации, то каковы же были евреи во времена Христа, когда они были специфически восточным аравийским народом, живущим у ворот Африки. Такие законы, как «око за око, зуб за зуб» отнюдь не были для еврея того времени абстракцией, — это была самая настоящая реальность. Драки, нанесение увечья, убийства можно было наблюдать каждую минуту, на каждом перекрестке еврейских городов. И вот к этим людям Христос обращает свою заповедь: «Вы слышали, что сказано: 'око за око,

и зуб за зуб'. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 38-39).

Это тоже вполне конкретная заповедь, имеющая в виду вполне конкретный случай; всякое расширенное толкование ее не имеет никакого смысла. Л. Н. Толстой, построивший на этой заповеди специфическое религиозно-философское мировоззрение, не имеет на это никаких оснований. Христос советует здесь только одно: не вступать в драку, стараться обезоружить нападающего кротостью, — и больше ничего. Между тем это место неверно толкуют не только толстовцы, но и люди, не имеющие понятия о толстовстве. Я присутствовал в лагере при специфическом споре между интеллигентом старой формации и сектантом. Наш интеллигент припер к стенке сектанта ядовитым вопросом: «Что вы сделали бы, если бы в ваш дом ворвался бандит и набросился бы с топором на ваших детей?» Благочестивый сектант ответил: «Господь этого не допустит». Ответ: «Как же не допустит. Посмотрите, сколько здесь сидит убийц и бандитов». Тогда в спор ввязался пишущий эти строки и задал сектанту следующий вопрос: «А почему бы вам не вырвать топор у бандита и не оглушить его по голове?» — Сектант: «Нет, нельзя. Это запрещено в Священном Писании». — Я: «А в каком месте запрещено?» — Сектант: «Сказано: ударившему тебя по ланите, подставь и другую». — Я: «Да, но ведь

нигде не сказано: 'Подставь своих детей под удар бандита?'».

Конечно, можно себе представить людей столь большой доброты, что они не хотят обороняться, когда их бьют. Так поступил преподобный Серафим. Такая психология понятна. В самом деле, кто решится ответить ударом на удар отца или матери, деда или бабушки. Однако то, что понятно в отношении себя лично, не может быть понятно, когда речь идет о других людях. Человек, который спокойно смотрит, как бьют беззащитного, и не вступает за него, — трус и эгоист, и никакими непровлечениями этого оправдать нельзя. Человек, который молчит когда торжествует ложь, — тоже трус и эгоист, и никакими непровлечениями этого тоже оправдать нельзя.

Кротость, способность забывать личные обиды — нужны для того, чтобы сконцентрировать волю человека на борьбу с несправедливостью, ложью, злом, в котором мир лежит.

Кротость, отсутствие раздражения — нужны для того, чтобы сконцентрировать волю человека на борьбу за Истину.

И четвертая заповедь гласит: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Когда я в юности читал эту заповедь, мне всегда представлялся образ богоискателя и правдоискателя, пытливо ищущего смысла жизни. Разумеется, это верно: богоискательство и правдо-

искательство — необходимый компонент в христианской религии.

Однако Христос пришел отнюдь не для того, чтобы организовать религиозно-философское общество, и обращал Свою проповедь отнюдь не « к профессорским женам, поседевшим — по словам Блока — в спорах о Христе», и к их мужьям, пишущим о Нем статьи.

Алканье и жажда Правды — это в устах Христа — не абстрактное богоискательство, а настойчивая деятельность, направленная на воплощение Правды на земле. Мы написали слова «деятельность», «направленная», «воплощение Правды» и сразу повеяло газетчиной, серым политическим жаргоном. Все мы рабы ассоциаций, и все слова уже были в употреблении.

Да, Христос хотел не «деятельности», а дела, делания, деяния, добрых дел. Христос хотел от человека усилий, непрестанных усилий и только подъявшие усилия войдут в Царствие Божие. Надо искать Правду Божию — справедливость, истину — и воплощать, воплощать, воплощать ее в жизни, как художник воплощает свой замысел на холсте, как писатель — на бумаге, как изобретатель — в машине... Как это сделать? Об этом думай сам. Ибо воплощение правды — это инициатива, это сметка, это труд, это — творчество. Воплощает Правду доктор Гааз, святой врач, когда в николаевское время, целые десятилетия подряд, из года в год, изо дня в день, помогает заключенным, отдает им все свое состояние, об-

легчает их участь. Воплощает Правду и старший современник Федора Гааза — Прохор Маншин, купеческий юноша из Курска, когда он покидает дом своей матери и удаляется в Саровские дремучие леса, чтоб там в посте, молитве, непрестанных подвигах приблизиться к Богу, а потом открывает широко дверь своей кельи и все свои духовные сокровища отдает людям, робкому, простому, исстрадавшемуся народу.

Воплощает Правду и третий современник — курчавый юноша — весельчак и бражник, который в двадцать пять лет гусиным пером записывает возникшие у него в голове четырехстопные строки, — и из этих четырехстопных строк возникает вдруг образ чудесной русской девушки — Татьяны Лариной — искренней, простой, поэтической и наивной, правдивой и верной слову, которая отныне будет навеки жить в русской душе, доколе будет стоять Русь. И воплощают Правду те офицеры, пошедшие на Сенатскую за своих братьев, за народ и положившие душу свою в декабре 1825 года за други своя, и простая женщина, подавшая бублик каторжнику. Правда страшит и пленяет, притягивает и отталкивает, но только она, она одна насыщает, и она одна вдохновляет и дает смысл жизни. Алчущих и жаждущих Правды очень мало, но они есть соль земли, носители смысла жизни, подлинный ее цвет. И хочется мне привести здесь слова моего крестного сына, который, прожив на свете 21 год, с раннего детства не переставал искать Правду:

Помни, товарищ, нас мало.
Очень нас мало, очень.
Как тяжело порой бывало.
Но это так, между прочим.
Мало нас, мало, товарищ.
Мало. Но мы не сдавались.
Мало. Но мы не сдаемся.
С мерзостью,
С подлостью бьемся.
С умными, мудрыми дядями,
С вескими их словечками,
С их руками-оладьями,
С логикой безупречной.
Мало нас, очень мало.
Силы не прибывают.
Но помогает мама.
Вера в добро помогает.
Помни, товарищ, — нас мало.
Стойкими будем очень.
Как нас судьба ломала.
Но это так, между прочим*.

Любовь и только любовь.

Искание Правды без любви — пустое теоретизирование или предпринимательство и политиканство. Жизнь показывает нам миллионы примеров того, как люди, начавшие с правдоискательства, кончают необузданным честолубием и самолю-

* Стихотворение принадлежит перу Евгения Кушева. —
Р е д.

бием. Поэтому шестая заповедь гласит: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Милость — любовь, но милость — это особый аспект любви.

Любовь бывает разная: есть любовь — благодарность, которая является долгом всякого порядочного человека, которую знают язычники и неверующие.

Милость — любовь просто, любовь ни за что, любовь к недостойному любви. Наиболее ярко выражена такая любовь у родителей к детям. Покойный митрополит Александр Введенский рассказывал такой случай. Однажды к нему на прием пришла старая дама и пожаловалась на сына. Ее сын — научный работник и выходец из старой интеллигентской семьи — ее жестоко избил. (Факт беспримерный.) И она, обнажив, показала обновленческому митрополиту свою грудь, покрытую всю сплошь синяками. «Какой изверг! Господь его накажет», — воскликнул А. И. Введенский. «О, нет! Вот этого-то я больше всего и боюсь!» — сказала несчастная мать. Года два назад одна такая же несчастная мать, жестоко оскорбленная сыном, изрекла на него проклятие. А через пять минут ей сказали, что какой-то юноша попал под автомобиль. И мать тут же, в одних чулках, стремглав бросилась вниз по лестнице, забыв обо всем, желая лишь убедиться, что это не ее сын. К счастью оказалось, что это действительно был не он.

У Аветика Исакяна есть трагическая баллада, в которой рассказывается об армянском крестьянине, который по приказу своей жены нес топить свою мать в мешке, за спиной. И как мать предостерегала сына, чтоб он не споткнулся о камень. Это и есть милость, самоотверженная, ничего не требующая, ни на что не претендующая любовь.

И вот такую любовь — милость — должен испытывать человек ко всем людям. Такая любовь — милость — не исключает ни гнева, ни наказания виновных, ни защиты слабых от нападения. Людям нужна строгость, но не ненависть, — и нужна милость. Там, где нет милости, жалости, — там царство крови, жестокости, эгоизма. Там — инквизиция. Великий инквизитор презирает людей, возлагая на них бремена неудобноносимые, — пугает и истребляет людей и не знает пощады, но жалостлив и праведен и любовен Господь, и гнев Его на тех, кто не жалеет людей: «Что сделаю тебе, Ефрем? Что сделаю тебе, Иуда? Благочестие ваше как утренний туман и как роса, скоро исчезающая. Посему Я поражаю чрез пророков и бил их словами уст Моих, и суд Мой как восходящий свет. Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (Осия 6, 4-6).

Любовь имеет много ступеней, от чувственной, животной любви — эроса, до любви духовной. Милость есть высшая ступень одухотворенной любви, — человеку чувственному, страстному, ру-

ководимому животными инстинктами, она не свойственна.

Поэтому заповедь блаженства шестая говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

О чистоте духовной и телесной, о целомудрии мы говорили в нашей изданной за границей работе «Монашество и современность». О той особой цельности, собранности всех духовных и телесных сил, которая свойственна людям целомудренным, о той сублимации энергии, которая происходит у монахов. Монашество есть, однако, удел лишь немногих, избранных натур, но очищение от страстей, от животных, низменных инстинктов, от звериного эгоизма обязательно для всех. Там, где нет чистоты духовной, там нет и не может быть истинной религии, там не может быть и истинной любви к людям, там — честолюбие, жажда власти, господство низменных и грубых страстей. Там, где чистота духовная — там собранность, там равновесие духовное, там мир.

И заповедь седьмая гласит: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

О каком мире идет здесь речь? Конечно, не о мире в мещанском понимании этого слова, которое выражено известной поговоркой: «С сильным не борись, с богатым не судись». Христианство именно учит бороться с сильными мира сего, ибо они обычно нарушают справедливость, и судиться с богатыми, звать их на суд Божий, ибо «легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем

богатому войти в Царствие Небесное». Христос говорит о мире духовном — о гармонии, ясности, духовном порядке, ибо неряшливость, разболтанность, духовный беспорядок не свойственны христианину, — беспорядок и хаос есть порождение больной, мятущейся души.

Когда-то в юности я увлекался декадентской поэзией и всяческим декадентством и сам был декадентом. В спутанности и сумятице духовной мне чуялся протест против всегда мне ненавистного мещанского консерватизма. И я был прав: декадентство есть обостренное трагическое восприятие мира — смелый вызов пошлости, банальности, мещанству. Я, однако, тогда не понимал, что декадентство может иметь ценность лишь как диалектический переходный момент от мещанской плесени к духовному миру и гармонии. В противном случае декадентство есть гибель духовная, крушение, самоубийство. Особенно отчетливо это выражено в стихотворении, приписываемом А. Ахматовой, которое ходило по рукам в послевоенные годы:

Один идет правым путем,
Другой идет по кругу.
Ждет возвращения в отчий дом,
Ждет старую подругу.
А я иду, — со мной беда.
Не прямо и не косо,
А никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

И от гибели может спасти лишь Христос и только Христос. Он дает не мир, основанный на мещанских мелких интересах, не мир, основанный на трусости и робкой увертливой психике, Он дает мир — гармонию, мир, основанный на уверенности в конечной победе добра. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ио. 14, 27). Заповедь седьмая гласит не о мире, а о миротворстве. А миротворство есть активный и деятельный процесс — оно предусматривает проповедь христианского учения, — таким образом, миротворство есть борьба, борьба за правду может лишь дать подлинный мир душе человека. И только борющиеся за правду — миротворцы — сынами Божиими нарекутся.

Восьмая заповедь говорит о блаженстве изгнанных за правду.

Она не нуждается в комментариях. Ибо где и когда любящие правду не изгонялись.

Старая, старая, как мир, заповедь — и такая же молодая, как этот вечно обновляющийся мир. Изгнание за правду есть кара, накладываемая властью, однако ею не ограничиваются испытания тех, кто ищет Правду.

Очень часто человек, борющийся за правду, вызывает ненависть и злобу, раздражение окружающего косного и сытого большинства, которое не понимает и не любит того, кто отдает людям свою жизнь.

Поэтому девятая заповедь гласит:

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

И эта заповедь не нуждается в комментариях. Старая, старая, как мир, заповедь.

И такая же новая, как этот вечно обновляющийся и вечно остающийся неизменным мир. Как этот вечно идущий вперед и вечно топчущийся на том же самом месте мир. И первая заповедь — о нищете, самоотвержении, и последняя заповедь — о гонениях за Христа — смыкаются, как бы замыкая терновый венец, сплетенный для Спасителя мира и Его последователей.

О ЦАРСТВЕ БОЖЬЕМ, ВОЗРАСТАЮЩЕМ НА ЗЕМЛЕ

Господь с самых первых слов призывал людей к самоотвержению, борьбе за правду, чистоте и гармонии духа. Он призывал людей верить в добро и страдать за него и быть уверенным в том, что таким путем они найдут счастье (блаженство) и в будущей жизни и здесь, на земле.

Последние слова могут вызвать недоумение, ибо по распространенному мнению христианство учит лишь о загробном мире и пренебрегает земными интересами. Нет и не может быть ничего более далекого от действительности, чем такое

представление о христианстве. Ибо в основе христианства лежит мысль о Царствии Божием — о Царстве небесном, возрастающем на земле. Эта центральная идея Евангелия была затемнена и забыта вульгаризированным христианством, хотя в золотой век Церкви (в IV-V веках) эта идея ясно и отчетливо сознавалась отцами и учителями Церкви. Наиболее ярко она выражена Блаженным Августином в его «О граде Божьем».

Однако в последующие времена идея о Царствии Божием, пребывающем на небесах (у Бога), семена которого посеяны на земле и возрастают в наших земных условиях, — эта идея тщательно вытравливалась из сознания верующих и была настолько затемнена, что когда в конце XIX века вновь раздалась проповедь Евангелия Царства — то эта проповедь была воспринята как нечто совершенно новое. Эту проповедь начал великий, праведный русский человек *Владимир Сергеевич Соловьев*. И здесь нам остается лишь вкратце изложить концепцию В. С. Соловьева, которую читатель в более полном и в более совершенном изложении найдет в таких произведениях великого философа, как «Духовные основы жизни» и в ряде статей, входящих в IV и VI тома Полного собрания его сочинений. В. С. Соловьев обратил внимание на то, что Господь называет Свое учение Евангелием Царствия. Следовательно, идея Царствия Божия — это центральная идея в Евангелии и во всем христианстве. Царствие Божие вовне мира, в неземных условиях, в Церкви, тор-

жествующей в небесах, — которого достигнут христиане после окончания этой жизни.

Но Царствие Божие не только там, — оно здесь, — оно должно прийти на землю, — и христиане ежедневно молятся: «Да придет Царствие Твое». Царствие Божие в душах людей, — внутри нас. Оно, однако, и вне людей, оно создается и во внешних условиях, в социальной жизни, в обществе, в этом смысл притч Спасителя, в которых Царствие Божие сравнивается с семенем, из него вырастает дерево, с закваской, которая квасит тесто, с неводом, который закидывает рыбак в море.

Ибо Царствие Божие — семена его всюду — в искусстве, в науке, в политике, в самой гуще жизни, и от людей зависит приблизить Его торжество на земле.

Новаторская сущность учения В. С. Соловьева в его подчеркивании человеческой деятельности в приближении Царствия Божия, ибо Божественная Воля здесь соединяется с человеческой, — и в этом состоит Богочеловеческий характер истории. Мы хотим пояснить мысль В. С. Соловьева на простом примере, взятом из жизни.

Я — учитель, и сегодня мне надо дать урок. Я верующий человек, но сегодня я встал в дурном настроении. На душе у меня темно и пусто. Я помолился, но лишь формально, — уста говорили привычные слова, но сердце молчало. В таком настроении я прихожу в школу, даю урок — без всякого подъема, без вдохновения, — и урок по-

лучается вялый, скучный, пустой. На другой день, с утра, я начинаю молиться горячо, пламенно, как бы представляя себя перед Лицом Божиим, — и ощущаю Благодать Божию, которая вливается в меня, — я испытываю особый прилив энергии, обновление всех способностей. Я иду в школу как бы омывшийся в живительном источнике, я лечу как бы на крыльях. Я даю урок вдохновенно, говорю горячо, эмоционально, проникновенно. Это мое чувство передается ученикам, — урок получается яркий, запоминающийся, проникновенный. Пройдут годы, десятилетия, а ученики будут вспоминать этот урок. И очень мало кто будет знать, что источник того вдохновения, которое я испытал, начался в моем молитвенном углу. Здесь мы имеем дело с Богочеловеческим процессом, — с соединением Божественного действия и человеческой воли.

Еще более рельефно проявляется активный характер человеческой воли в чудесах, — необходимой предпосылкой которых является вера, пламенная и несомненная, и воля, движимая верой. И Божия Воля, в сочетании с человеческой, творит чудеса.

Так и в мировой истории, — Воля Божия, действуя через людей, творит чудеса, — и в этом творческий, Богочеловеческий характер истории. Впоследствии эта великая идея В. С. Соловьева была подхвачена и развита блестящей фалангой его учеников, из которых наиболее выдающимися

являются свящ. о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков и особенно Н. А. Бердяев.

В этой связи читателю может быть станет понятно, почему верующий христианин, принадлежащий к той самой Церкви, которая взрастила В. С. Соловьева, Булгакова и Бердяева, призывает к концентрации воли, — к смелости, к смелости и еще раз к смелости.

В гуще жизни

В гуще жизни сеются семена Царствия Божия. В гуще жизни. И сеет семена Церковь. Сеет семена всякий проповедник слова Божия. Сеет семена всякий христианин. Христианин есть созидатель, строитель Царствия Божия на земле.

Но как придет Царство Божие на землю? Пути его многообразны, — и во многом выбор этих путей зависит от свободной воли человека. Разумеется, конечная победа Царствия Божия на земле может произойти лишь космическим, сверхъестественным путем*, — однако путь к Царствию Божию — это лестница со многими переходами, с многоразличными подступами, — и человек выбирает пути.

В. С. Соловьев в начале своей деятельности нарисовал картину светлого царства, которое объединяет все человечество. Это светлое царство рисовалось ему как духовное объединение человечества в воссоединившейся Вселенской Церкви и как гражданское объединение в форме мировой христианской империи.

В конце своей жизни в знаменитых «Трех разговорах» В. С. Соловьев изобразил будущее чело-

* О христианской эсхатологии см. нашу статью «Топот медный», являющуюся ответом на доклад Ильичева в 1964 г.

вечества как царство антихриста (который является в образе оратора, демагога, продувного шарлатана-политика) — и Царствие Божие приходит сверхъестественным путем. А. В. Луначарский в своей очень интересной и содержательной статье о В. С. Соловьеве говорит о духовном кризисе великого философа, о его разочаровании и пессимизме. На самом деле одно не перечеркивает другого: В. С. Соловьев в разные периоды своей жизни изобразил два исторических варианта, которые одинаково возможны, как возможны и сотни других вариантов.

Поэтому Апокалипсис — пророческая книга о судьбах человечества — изображает их в символических, загадочных картинках, не называя никаких сроков, не указывая никаких географических названий. Несомненно одно: после долгих столетий и тысячелетий борьбы зла с добром, — произойдет духовное и физическое обновление этой старой вселенной, и восторжествует на этой земле Небесный Иерусалим, — предвечное Царство Господа славы. Когда это будет? «Не ваше дело знать времена и сроки» (Деяния 1, 7) — отвечает Господь. Ваше дело бороться со злом, — искать Правды и ее торжества на земле.

В настоящее время есть бесконечное количество людей (от папертных старух до мистически настроенных свихнувшихся интеллигентов), которые предсказывают кончину мира чуть ли не в ближайшие годы и месяцы. Это один из видов вульгаризированного и примитивизированного христиан-

ства. Что думаю об этом я, пишущий эти строки? Конечно, я не претендую на звание пророка, — мне, однако, кажется, что человечеству суждено жить еще тысячи и миллионы лет, ибо слишком оно еще незрело, слишком мало оно еще знает, — слишком похоже оно еще на младенца, едва вылупившегося на свет, но «не ваше дело знать времена и сроки», — возможно ускоренное развитие, ускоренное развитие, при котором один день как тысяча лет. Во всяком случае каждый из нас должен делать все, что может, для торжества правды и для борьбы со злом.

Сферой, в которой происходит борьба правды с ложью, света с тьмой, добра со злом — является и политика.

Это не единственная сфера духовной борьбы, но это очень существенная и важная сфера, — от участия в политической борьбе не может быть свободен ни один человек.

В самом деле, можно ли себе представить человека, которому безразлично то, что делается у него в семье?

Можно сказать лишь одно: если такой человек и существует, то это закоренелый и законченный эгоист.

Можно ли себе представить человека, которому безразлично то, что делается в его стране, в том мире, в котором он живет?

Можно сказать лишь одно: если такой человек и существует, то это ограниченный мещанин.

Но христианство — это не эгоизм, а любовь, не

узость, а широта, не мещанство, а проникание глубин, жизнь всяческая во всех.

Поэтому христианин не может быть безразличен ни к чему в мире, в том числе, и к политике.

Должна ли, однако, участвовать в политической борьбе Церковь?

И здесь появляются два аспекта политической деятельности на земле.

Политика есть борьба за власть. И в этом аспекте Церковь аполитична, ибо ей принадлежит духовное руководство человечеством. Всякая мирская власть ей запрещена Христом, который пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы служить людям и спасти людей.

Но есть и другой аспект политики — борьба за правду, защита попранных прав человека. И здесь Церковь не может быть равнодушна, не может стоять в стороне. Смело и неуклонно она должна выступать за Правду, в этом ее долг и прямая обязанность. И всякий христианин должен бороться за Правду и защищать ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами. В этом его прямой долг и обязанность.

С чувством глубокого удовлетворения я должен сказать, что выполнил свою христианскую обязанность, подписав ряд петиций с протестами против осуждения Гинзбурга и Галанскова, а также телеграмму в Будапешт, на совещание представителей коммунистических партий, отправленную туда 12 представителями советской интеллигенции.

С чувством глубокого удовлетворения я должен сказать, что выполнил свой долг и священник отец Сергей Желудков, выступивший от своего имени с рядом аналогичных документов. Мы не сомневаемся в том, что миллионы православных христиан полностью нам сочувствуют и мысленно присоединяются к нашим протестам.



Мы сказали о необходимости бороться за Правду.

Но что такое Правда?

В устах политиков любая неправда всегда называется Правдой.

Анатоль Франс где-то говорит о том, что все армии непобедимы, ибо какой главнокомандующий, когда и где называл свою армию иначе, как «наша непобедимая армия», и совершенно непонятно, как может кто-нибудь выиграть войну.

Точно так же можно сказать, что все политики — друзья, поборники и защитники Правды, и совершенно непонятно, каким образом «злодейства землю потрясают, неправда зыблет небеса»*.

Что надо сделать, однако, чтоб выяснить, где и на чьей стороне находится Правда?

Для этого надо прежде всего судить о людях не по их словам, а по их делам, — и руководствоваться при этом не временными, преходящими,

* Г. Р. Державин.

модными теориями, — а единым, вечным критерием, который дает людям Евангелие. Ибо основной социальный принцип Евангелия содержится в следующих словах: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7, 12). Правило безукоризненно точное и легко выдерживающее любую проверку.

Недавно мне пришлось говорить с одним ярким сторонником введения в нашей стране телесных наказаний (есть и такие). Этот товарищ очень красноречиво говорил о необходимости внедрять дисциплину, закалять юношей, «воспитывать тип не мыслителя, а солдата».*

Я прервал моего собеседника вопросом — хочет ли он, чтобы его за первое же нарушение дисциплины выпороли.

Мой собеседник поперхнулся и ничего не ответил. Я почувствовал, что попал в самую точку. В самом деле, еще не было ни одного самого яркого сторонника телесных наказаний, который хотел бы, чтоб его выпороли. Не было еще ни одного сторонника смертной казни, который хотел бы, чтобы его повесили. Не было еще ни одного тирана, который сам бы хотел лишиться свободы. И Гегель определяет тиранию, как строй, при котором один имеет неограниченную свободу при бесправии всех остальных.

* Подобные тезисы были поданы 2 года назад в ЦК.

Собственно говоря, евангельский принцип является основополагающим принципом демократии. Он же лежит и в основе всех социалистических теорий. Нам следует внимательно рассмотреть в современные политические течения и изучить их при свете этого основополагающего евангельского принципа.

Уже давно отмечалось, что мы живем на очень маленькой планете, которая каждый день (благодаря усовершенствованию средств связи) делается все меньше и меньше. Абсолютной утопией было бы предполагать, что современные политические течения можно рассматривать изолированно. Их и действительно нельзя рассматривать изолированно, тем более, что неумолимая логика политической борьбы крайне упростила политическую ситуацию, — и задача политического анализа в настоящее время не представляет собой особых трудностей.

Можно условно разбить современные политические течения на шесть основных групп.

Перечислим их, а затем постараемся сформулировать нашу точку зрения в отношении каждой из них.

1. Крайне реакционные течения, апеллирующие к низменным инстинктам (фашистские, расистские, антисемитские течения).

2. Центристские течения, стоящие на точке зрения сохранения национальных традиций и соблюдения норм буржуазной демократии. (Обе

главные американские партии, английские консерваторы, деголлевское движение во Франции.)

3. Христианская демократия.

4. Социал-демократия.

5. Коммунистическое движение.

6. Новое, рождающееся во всем мире гуманистическое движение, не имеющее пока еще организованных рамок.

1. РАСИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ

Первое место в нашем обзоре мы отводим не случайно крайним реакционерам.

Действительно, это могучее и страшное течение. Страшно оно тем, что оперирует не логическими доводами и наукообразными теориями, — оно апеллирует к чувству, к эмоциям, к инстинктам. Оно апеллирует к звериным, первобытным инстинктам, которые таятся во всяком человеке. А во многих людях они невероятно сильны. Не так давно, в районе Подвесков, я проходил небольшим сквером. Я присел на скамеечку. Это район вытрезвителя, — и здесь всегда шныряет множество пропойц и опустившихся людей. Рядом со мной сидел какой-то парень, которого стали задирать двое мужчин. Я был поражен той кротостью, с которой реагировал на эти наглые приставания сильный, полупьяный и, видимо, драчливый парень. Когда хулиганы отошли, я спросил

парня о причинах столь странного смирения. Он мне ответил: «Я боюсь драться, потому что при виде крови я зверею. Стоит мне увидеть хоть каплю крови, я становлюсь как пьяный, вгрызаюсь в горло и могу убить человека».

Представьте себе этого парня, которому бы сказали: «Бей негров» или «Бей жидов, спасай Россию», — и «давая простор своим звериным инстинктам, ты не только не делаешь преступления, но, наоборот, делаешь полезное и важное дело».

Представьте себе это, — и вы получите законченный тип расиста, погромщика, фашиста.

Таких людей мало? Нет, не мало. Кровожадные инстинкты сидят иной раз в очень почтенных людях. Ф. М. Достоевский очень остроумно замечает, что люди всегда очень любят смотреть пожары, так как пожар разнуздывает страсть к разрушению, которая живет в душе даже самого почтенного действительного статского советника.

Точно так же увлекает дикий разгул звериных инстинктов, вырвавшихся наружу. Этим объясняется то, что немецкая интеллигенция, превосходная интеллигенция, была столь быстро увлечена фашистским вихрем. Причем многие интеллигенты приняли фашизм совершенно искренно, всей душой, а не только под давлением силы.

Фашизм, однако, ушел в невозвратное прошлое. Не будем заниматься историей. Расизм, од-

нако, еще существует. Какими методами следует бороться с ним?

Прежде всего силой, ибо убеждением не гасятся инстинкты, — инстинкт можно победить лишь инстинктом.

Звериному инстинкту следует противопоставить инстинкт страха. Всякая пропаганда расизма в какой бы то ни было форме должна быть воспрещена под страхом тягчайшего наказания. При малейшей попытке перейти от слов к делу (к убийствам, насилиям, погромам) господам расистам следует напомнить, что существует такая вещь, как высшая мера наказания. Ничего противоречащего христианской совести здесь нет, так же как нет ничего противоречащего религиозной совести в том, что убивают бешеную собаку. Сравнение точно. Расизм подобен бешенству. Всякая злоба, ненависть обычно имеет какую-то причину, какую-то вину со стороны того, на кого ненависть направлена. Расист ненавидит человека без всякой вины, за то, в чем человек не виноват, что он не может исправить, — за самый факт его рождения.

Отнюдь не менее опасной формой расизма является антисемитизм.

Если расизм интересует нас в значительной степени академически, то антисемитизм является актуальнейшей проблемой в нашей стране. За границей много пишут об официальном антисемитизме. В сталинские времена такой антисемитизм действительно имел место, — и совершенно

никчемной и жалкой попыткой является отрицать бесспорные факты. В самом деле, кто может отрицать такие факты, как поголовный расстрел работников Московского Еврейского Театра, возглавлявшегося С. М. Михоэлсом. Талантливейшие люди погибли без всякой вины лишь по голословному обвинению в «буржуазном национализме». Кто может отрицать такой факт, как расстрел Переца Маркиша — талантливейшего еврейского поэта и десятков других писателей и поэтов, писавших на еврейском языке. А что сказать о рядовых людях, которых выгоняли с работы, не принимали в институты «по пятому пункту», подвергали тысячам жалких придирок, унижений и издевательств.

Ныне, слава Богу, мы пережили это тяжкое время. Официальный антисемитизм, в основном, ликвидирован. Можно лишь говорить о проявлении антисемитизма со стороны отдельных работников. Тем не менее антисемитизм — актуальнейшая проблема нашего времени в нашей стране.

Мутная волна антисемитизма, распространившаяся по миру после войны и захлестнувшая широкие массы, не улеглась, — она распространяется все с новой силой, — и официальная пропаганда с ней совершенно не борется; более того, почему-то считается хорошим тоном «не замечать» антисемитизма и его замалчивать, как замалчивают неприличную болезнь. Такое отношение к антисемитизму нельзя назвать иначе, как попустительством. Нельзя же все время ругать сионистов

(которых у нас считанные единицы) и молчать об антисемитах, которых у нас пруд пруди.

Сравнивая современный антисемитизм с дореволюционным, можно отметить ряд его особенностей. Прежде всего следует отметить, что если в прежнее время антисемиты прикрывались, в основном, религиозной фразеологией, то теперь антисемитизм выступает как открыто националистическое, расовое направление.

Затем надо отметить, что антисемитизм, которого раньше почти не знала русская интеллигенция (в ее среде антисемитизм считался дурным тоном, и ни один интеллигент не стал бы принимать в своем доме антисемита и не допустил бы у себя в доме никаких антисемитских высказываний), — теперь захватывает и отдельные слои интеллигенции. Разумеется, здесь речь идет лишь об интеллигентских подонках, о недоученных и недоразвитых, хотя все же дипломированных ремесленниках — так называемых «специалистах».

Однако имеются и довольно крупные люди, которые не стесняются открыто выражать антисемитские настроения. К таким людям принадлежит известный и довольно талантливый (хотя и не вполне оправдавший возлагавшихся на него надежды) художник, сочетающий свой антисемитизм с религиозным блудословием. (Причем его «религиозность» то вынимается из шкафа, то прячется, смотря по обстоятельствам.)

Самое страшное в антисемитизме то, что он передается по наследству: люди в своих семьях,

с раннего детства, приучаются смотреть на евреев с пренебрежением, презрением, ненавистью, — затем этот антисемитизм у интеллигентных людей в какой-то мере преодолевается, но, что самое страшное, — он остается в подсознании и вытравить его оттуда почти невозможно. Характерный пример: недавно один русский парень, очень ко мне расположенный, сказал мне следующую фразу: «Из всех евреев я уважаю только четырнадцать». (Оказалось, что он подразумевал Христа, апостолов и... пишущего эти строки.) Я вынужден был ответить, что не нуждаюсь в уважении антисемитов, — думаю, что так бы ответили и остальные упомянутые тринадцать евреев. Разумеется, не следует принимать всерьез эту добродушную болтовню, — это в общем неплохой парень, и никогда ни одному еврею он не сделает зла; однако шутка достаточно характерная: она показывает, как глубоко сидят в подсознании даже у хороших людей антисемитские предрассудки.

Но не всегда и не у всех дело обстоит так невинно. Человек не может жить только чувствами, только подсознанием, — он нуждается и в каком-то разумном обосновании. И здесь появляется на сцену фальшивка, сфабрикованная в 1908 году, — так называемые «Протоколы сионских мудрецов». Эта фальшивка, широко использовавшаяся в свое время Гитлером, и ныне используемая арабской националистической пропагандой, имеет довольно широкое хождение и среди ны-

неиных антисемитов. Надо поэтому несколько на ней остановиться.

Фальшивка эта была в свое время пущена в ход известным черносотенцем Нилусом. Правда, сам Нилус вряд ли был повинен в мошенничестве. Человек психически ненормальный, истерик с отуманенной головой, хотя и не лишенный таланта, Нилус попался на удочку какого-то французского проходимца, который всучил ему за баснословную сумму якобы копию с протоколов каких-то таинственных «сионских мудрецов», — якобы руководящих еврейством из глубокого подполья. Затем эта бульварная новинка была опубликована Нилусом и поднята на щит черносотенной пропагандой.

Что можно сказать об этом литературном произведении? Только то, что оно служит печальным памятником людского легковерия.

Прежде всего, эти «протоколы» менее всего напоминают настоящие протоколы. Это чья-то тирада, начинающаяся с половины фразы. Совершенно неизвестно, где, когда и кем эта тирада произносится. Оратор, выступающий перед какими-то «мудрацами», развертывает целую программу борьбы с «гоями». Как оказывается, целью является покорение евреями мира, причем средствами служит мировая революция и сеяние атеизма. Атеизм же рассматривается как переходная ступень к тому, чтобы всех... загнать в синагогу. (И этот бред повторяют всерьез взрослые люди.) Легковерным читателям «протоколов»

невдомек, что «протоколы» списаны с одного мало известного французского произведения XIX века, озаглавленного «Диалог в аду» между Макиавелли и Монтескье; им также невдомек, что в 1906 году были широко известны документы социалистического Интернационала, программы социал-демократических партий, и поэтому было очень нетрудно изобразить их в карикатурном виде, приписать всякую революционную деятельность злокозненным евреям*.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что этим протоколам верили безграмотные подонки, которых подстрекали к погромам. Гораздо удивительнее, что им и сейчас верят некоторые из наших интеллигентов. Помимо явной подложности этих «протоколов», — в их основе лежит глубоко ошибочная мысль о том, что еврейство представ-

* Подложность протоколов доказывается следующими исследованиями:

1. Объемистой работой отца Пьера Шарле — профессора Лувенского университета по кафедре догматического богословия и проф. миссиологии в Грегорианском университете (при Ватикане), опубликовавшего свое исследование в 1938 г.

2. Работой Бернштейна «Правда о сионских протоколах», Париж, 1935.

3. Дж. Кертис «Цена сионских протоколов», Нью-Йорк, 1942.

4. Ю. Делевский «Протоколы сионских мудрецов» (История одного подлога). Берлин, 1923. Русский перевод.

ляет собой некое единое монолитное целое. Между тем нет нации более разрозненной, чем еврейство. Если мы присмотримся хотя бы к дореволюционной России, то найдем там евреев, рассыпанных по всем партиям, по всем классам.

Кто были крупнейшие капиталисты старой России? Бродский, Высоцкий, Поляков. Кто были крупнейшие революционеры? Гершуни, братья Гоц и другие. Эсеры — евреи, меньшевики — евреи, большевики — евреи, кадеты — евреи. И все эти евреи грызлись между собой, ненавидели друг друга смертельной ненавистью и были готовы утопить друг друга в ложке воды, а иногда и в море крови. Какая уж тут монолитность? Надо ли идеализировать евреев? Не надо. Они самые обыкновенные люди, — среди них есть и хорошие и плохие. Нельзя сказать, что евреи очень любят друг друга. Однако гонения их сплачивают и происходит своеобразный отсев: люди потрусливее и поподлее прячут свою нацию и называют себя русскими. Не так делают честные люди.

В этой связи следует упомянуть об *Александре Гинзбурге*, сыне чисто русского человека, который в сталинское время принял фамилию и нацию своей матери. Так же поступил и сын великого русского поэта *Александр Сергеевич Есенин-Вольпин*.

И пишущий эти строки, сын крещенного еврея и русской женщины, приветствовал в 1947 году основание государства Израиль следующими стихами:

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Лютый холод. Ночь. Ребенка
Вскрик болезненно надрывный.
Всплеск воды и взлет орленка.
Филин тянет заунывно.
И какой-то мне знакомый
Голос, слышанный мной в детстве,
Тихой, сладостной истомой
Проливается мне в сердце:
«Баю-баю
В дальнем крае
Тих и ясен небосвод.
Бога-Света величаю,
Не боюсь я злых невзгод.
Сын Мой крепок зародился.
Не увянет, как цветок,
И умрет Он, как родился,
Глядя прямо на Восток.
Моисей пусть веселится,
Да воспляшет Аарон.
Скоро, скоро истребится
Горделивый фараон.
И забыв свою тревогу,
Высоко подняв кивот
На широкую дорогу
Выйдет избранный Народ.
Баю-баю,
В нашем крае
Ярок солнечный восход.

Бога-Света величаю,
Не боюсь я злых невзгод».
В эту ночь мне улыбнулся
Сам Младенец Вифлеемский.
Голос пел мне так знакомо:
По-родному, по-еврейски.

Антисемиты-церковники, обосновывая травлю евреев, ссылаются на крик озверелой толпы: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27, 25).

Это очень характерный пример вульгаризации христианства. Бога здесь представляют по своему подобию: глупым и злым существом, притом крючкотвором и формалистом, который поймал на слове целый народ и мстит ему тысячелетия за действия 200-300 изуверов.

Но истинное христианство утверждает:

«Итак весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их» (Римл. 11, 26-27).

«Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который он наперед знал» (Римл. 11, 1-2).



Антисемитизм, как и расизм, несовместим с христианством, не только потому, что он есть

ненависть, — он есть школа ненависти: когда человеку говорят, что он может ненавидеть несколько миллионов людей, когда эту ненависть заботливо культивируют и взращивают, то в результате получается тип человеконенавистника, ученика дьявола, носителя сатанизма.

Всякая проповедь и всякое открытое выражение антисемитизма должны быть поэтому запрещены под страхом тягчайшего наказания. Точно так же должно быть запрещено пренебрежительное и презрительное отношение к любой другой национальности. Совершенно нетерпимо также, когда какая-либо нация подвергается официальной дискриминации. Поэтому 12 представителей интеллигенции совершенно правильно выступили в защиту крымских татар, насильственно переселенных из родных мест. Равным образом следует выступить в защиту немцев Поволжья, которые претерпели в прошлом много несправедливых гонений и также не могут до сих пор вернуться в свои родные места.

2. ПАРТИИ, СТОЯЩИЕ НА ПОЗИЦИЯХ ЗАЩИТЫ КАПИТАЛИЗМА

На втором месте мы поставили политические партии, которые в своем комплексе создают мировой «центризм». Это партии, стоящие на позициях защиты капитализма в его традиционных формах.

Разумеется, среди этих партий есть различные оттенки: от сторонников неограниченного парламентаризма до сторонников «авторитарной демократии»; от сторонников космополитического «европеизма» до сторонников национального суверенитета, — однако основные черты у всех этих партий общие. Эти основные черты следующие.

Эти партии являются сторонниками капитализма при известном ограждении прав трудящихся. Сейчас уже редко употребляются много раз осмеянные слова о «священном и неприкосновенном» праве на собственность. Однако уверенность в незыблемости права на собственность — краеугольный камень идеологии этих партий. Законность и народное представительство — главные черты их политического символа веры. Было бы неверным отрицать, что эти партии и сейчас еще не утратили возможности выдвигать из своей среды прогрессивных политических деятелей, играющих очень важную и положительную роль в мировой истории. Таким деятелем был Франклин Рузвельт, сыгравший совершенно беспрецедентную роль в истории современного капитализма (не говоря уже о его внешнеполитической деятельности и его роли в разгроме гитлеризма). Вряд ли кто-либо будет отрицать великие исторические заслуги Уинстона Черчилля в создании антигитлеровской коалиции. Имя генерала де Голля говорит само за себя. Независимо от нашего отношения к его внутренней политике, мы должны будем признать, что восстановление Франции как

великой державы представляет собой историческое событие огромной важности и имеет ни с чем не сравнимое практическое значение в смысле восстановления европейского равновесия.

Не это, однако, основное в оценке исторической роли этих партий. Так как эти партии целиком стоят на позициях капитализма и защищают капитализм, — мы должны выяснить наше отношение к современному капитализму.

В этом отношении высказываются диаметрально противоположные и одинаково неправильные мнения.

Условно эти два мнения можно назвать восточным и западным.

Западная точка зрения рассматривает современный капитализм как «индустриальное общество», как «народный капитализм». Сторонники этой точки зрения объявляют марксистскую критику капитализма безнадежно устарелой, а все главные противоречия капитализма преодоленными. Сторонники восточной (точнее, советской) точки зрения, со свойственным им пренебрежением к фактам, говорят о капитализме так, как будто ста лет, прошедших со времен выхода в свет «Капитала», не было, и с упорством, заслуживающим лучшего применения, доказывают уже давным давно всем известные истины и разбивают в прах давным давно умерших противников. На самом деле за сотню лет, прошедших со времени появления «Капитала», капитализм очень изменился; он очень изменился за последние

пятьдесят, тридцать, двадцать, десять лет. Было бы чем-то совершенно несерьезным отрицать это.

Более того, развитие капитализма опровергло многие прогнозы его критиков. Было бы чем-то совершенно ненаучным отрицать это.

Укажем некоторые новые черты современного капитализма.

Современный капитализм не знает цикличности производства, о которой писал Маркс. Напомним вкратце, что подразумевал Маркс под цикличностью.

Капитализм отличается, по Марксу, анархией производства, всякая плановость и организация ему чужды. Поэтому периодически на капиталистическом рынке образуется излишек товаров — и это ведет к кризису перепроизводства. Товары не находят сбыта, производство резко сокращается, увеличивается армия безработных; банкротства, резкое снижение зарплаты, пауперизация (обнищание) рабочего класса — неизбежные следствия кризиса. Так продолжается до тех пор, пока излишки товаров не рассосутся. После этого ощущается недостаток товаров, цены возрастают, производство расширяется, доходы капиталистов растут, — кризис сменяется бумом, который через несколько лет вновь сменится кризисом. С развитием капитализма промежутки между кризисами и бумами сокращаются, кризисы сотрясают самое здание капитализма.

До двадцатых годов нашего века марксистская теория кризисов казалась абсолютно непрелож-

ной: не было ни одного положения Маркса, которое осуществлялось бы с такой бесспорной точностью, как теория кризисов. Грандиозный мировой промышленный кризис 1929-1931 годов, затронувший все без исключения капиталистические страны и отрасли промышленности, вызвавший неисчислимые бедствия трудящихся, сыгравший огромную роль в победе фашизма в Германии, — был столь наглядным доказательством закона цикличности капиталистического производства, что ни один апологет капитализма не осмелился его оспаривать.

В коммунистическом лагере этот кризис вызвал ликование, — самые смелые надежды на мировую революцию воскресли. В 1933 году, когда кризис уже прекратился, Сталин заявил, что капитализм вступил в полосу депрессии особого рода, что бума не будет, что он сомневается в том, что будет достигнута точка развития 1929 года, — вскоре разразится новый кризис.

Этого кризиса наши экономисты ждали, как манны небесной. Каждое колебание, каждое сокращение производства вызывали сенсацию, выдавались за начало нового кризиса. Но за 38 лет кризиса так и не последовало. Капитализм преодолел цикличность — о марксистской теории кризисов никто сейчас не вспоминает. Правда, и сейчас капиталистическая экономика иной раз переживает затруднения, которые часто называются кризисами. Однако ничего общего с кризисами перепроизводства эти кризисы не имеют и

вызываются они отнюдь не теми причинами, на которые указывал Маркс. Так, недавний финансовый кризис в Англии был вызван утечкой валюты в страны общего рынка; во Франции кризис вызван технической революцией, повлекшей за собой жесткую рационализацию производства.

Никакого излишка товаров или падения цен во время этих кризисов не происходит, индексы никаких колебаний не обнаруживают, именно поэтому эти кризисы сравнительно легко ликвидируются и никакого бума вслед за ними не происходит.

Достаточно хотя бы беглого взгляда на статистические данные последних десятилетий, чтоб убедиться в том, что капиталистическая экономика утратила свою скачкообразность, приняла стабильный, спокойный характер. Каждый год экономический индекс капиталистических стран увеличивается на несколько процентов; он изредка подскакивает вверх («Боннское чудо»); он изредка незначительно снижается (на 2-3⁰/₀), — обычно же дает небольшое повышение в несколько процентов. А. И. Микоян в своей речи на XX съезде КПСС правильно отметил, что объяснить это нам не сможет теория всеобщего загнивания капитализма, сформулированная Сталиным незадолго до смерти. Каких только объяснений ни придумывали, чтобы обосновать отсутствие кризисов перепроизводства, — каких только объяснений, кроме одного — того, что капиталистическая экономика приняла организованный характер.

Эта метаморфоза готовилась уже давно, еще до первой мировой войны. О ней писал в свое время К. Каутский, сформулировавший теорию «ультраимпериализма». Однако реальностью организованный капитализм стал лишь в тридцатые годы.

В это роковое предвоенное десятилетие организованный капитализм пришел в мир двумя путями: один путь — кровавый, катастрофический — фашизм. Другой путь — либеральный — рузвельтизм.

Фашизм, подчинивший капиталистов жесткому контролю, приставивший к ним нацистских комиссаров, заставивший капиталистов налаживать производство согласно строгому плану, являлся ультраимпериализмом в действии, организованным капитализмом, который условно можно назвать спартанским капитализмом.

В Америке ультраимпериализм пришел другим путем, — через деятельность Рузвельта, который сделал первую в истории капитализма попытку подчинить экономику мировому тресту, в виде так называемой администрации восстановления.

Эта попытка, как известно, была встречена в штыки капиталистами, а Верховный Суд объявил рузвельтовские мероприятия неконституционными. Дело, однако, было сделано: промышленность была подчинена определенному плану. Страшный призрак пережитого в 1929-1931 годах кризиса, высокий авторитет президента, непрерывное давление профсоюзов заставили магнатов американ-

ского капитала считаться с общенациональными интересами. Вторая мировая война, поставившая всю экономику на военные рельсы, окончательно закрепила новую организацию капиталистического производства. Рузвельтизм — это также ультраимпериализм в действии, организованный, хотя и не очень дисциплинированный капитализм, при котором организация рождается из взаимодействия различных отраслей промышленности при сохранении номинальной независимости капиталистов, — его можно назвать афинским капитализмом.

Во всяком случае в настоящее время организованный капитализм (нравится нам это или нет) является непреложным фактом.

Нельзя сказать, что оправдался прогноз Бухарина о том, что при организованном капитализме конкуренция между капиталистами переносится на внешнеполитическую арену и превращается в борьбу между отдельными капиталистическими державами. Наоборот, в настоящее время мировая конкуренция ведется на капиталистическом рынке в приглушенных тонах, и сфера экономического влияния каждой капиталистической державы резко очерчена. Объясняют это, с одной стороны, тем, что капиталистический мир стал тесен, а с другой стороны тем, что количество конкурентов сильно сократилось.

В настоящее время конкурентно-способными капиталистическими группами являются следующие четыре группы: США, Англия, страны об-

щего рынка (Германия, Франция, Италия и Бельгия) и Япония. Возможности Англии, однако, несколько ограничены таможенными барьерами континентальной Европы.

Франция, так же как и Англия, оперирует в зоне своей бывшей империи; экономическое влияние Японии распространяется, главным образом, на Азию (частью на Латинскую Америку). Таким образом, из капиталистических стран лишь Западная Германия является более или менее серьезным, хотя и не очень страшным, конкурентом Америки на мировом рынке. Однако и возможности американского капитала в настоящее время резко сократились: общий рынок успешно вытесняет американские товары из Западной Европы.

Англия стойко борется против американских товаров в доминионах и в значительной части своих бывших колоний; Латинская Америка, Африка и Азия не дают возможности широко развернуть торговлю, ввиду сниженной платежеспособности этих континентов.

Таким образом, известные положения о борьбе за рынки и о возрастающем вывозе капитала за границу как о наиболее характерных признаках империализма не подтверждаются жизнью. Совершенно не актуально также и другое положение — о борьбе за передел мира и о войнах между капиталистическими державами как о характерном признаке капитализма. Вряд ли кто-нибудь сейчас может всерьез думать о том, что возможна ан-

гло-американская, англо-французская или итало-французская войны (а в двадцатых годах такие войны считались возможными). Совершенно неожиданной казалась также легкость, с которой был улажен колониальный вопрос, а ведь между тем вооруженные конфликты между метрополиями и колониями — национально-освободительные войны — считались также главным, существенным признаком империализма.

Наконец, совершенно новой формой является объединение европейского континента в единое хозяйственное целое. Общий рынок, в отношении которого в сороковые годы выражали скептицизм, ныне не только воплощен в жизнь, но и крепнет с каждым днем, дает блестящие результаты и через десять-пятнадцать лет сделает этот хозяйственный союз совершенно неразрушимым целым.

Подводя итоги всему сказанному, следует констатировать, что жизнь, прихотливая и капризная, как и всегда, не подчинилась схеме: в настоящее время следует считать устаревшими не только многие положения Маркса, но и положения известной книги Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма».

В большей степени, хотя также не в полной мере, оправдалась теория ультраимпериализма, сформулированная К. Каутским.

Капитализм оказался гораздо более живучей и цепкой общественно-экономической формацией, чем это предполагалось; как выяснилось, недооценивали возможностей капитализма, его гибкости

и приспособляемости к изменившимся историческим условиям.

Эта приспособляемость выражается также и во взаимоотношениях между трудом и капиталом в данное время. Под напором рабочего класса капиталисты пошли на ряд существенных уступок; по существу, в настоящее время капиталист из неограниченного самодержца превратился в монарха конституционного, который вынужден допускать на своем предприятии парламент — профсоюзы, которые в значительной степени ограничивают его власть и отстаивают права рабочего класса. Трудовое законодательство, принятое почти во всех буржуазных странах, также ограничивает власть капиталиста.

Значит ли это, что капитализм ныне утратил свой эксплуататорский характер, что в капиталистических странах классовая борьба сменилась гармонией классовых интересов и что в настоящее время капитализм перестал быть капитализмом? Ни в коем случае, нигде и никогда.

Закон прибавочной стоимости, никем и никогда не опровергнутый, действует и ныне, как и сто лет назад. Сосредоточивание огромных богатств в частных руках исключает подлинное равенство между людьми, возмущает мировую совесть. Современный капитализм, несмотря на свою эволюцию, несмотря на высокий уровень жизни, несмотря на ряд уступок, все же остается экономическим рабством, ибо и либеральный, и добрый, и хороший рабовладелец все-таки остается

рабовладельцем. Это очень хорошо почувствовал Роберт Оуэн — один из самых честных и гуманных людей, которые жили на земле. Когда Оуэн был еще капиталистом-филантропом, он очень много сделал для рабочих, улучшая условия их жизни, но это его не удовлетворяло: «Они все равно остаются моими рабами», — говорил он и перешел на сторону социализма.

Совесть свободного человека не мирится с рабством в каких бы то ни было формах. Этим объясняется, что капитализм не удовлетворяет европейскую передовую интеллигенцию и большинство европейского пролетариата. Власть человека над человеком, унижительная для человеческого достоинства всегда и везде, приобретает особенно гнусный характер, когда она осуществляется как власть денег, как власть богатства.

Этим и объясняется тот парадоксальный на первый взгляд факт, что повышение жизненного уровня не уменьшает количество голосов, поданных за коммунистов и социалистов. *Сознание свободного человека определяет его бытие как бытие борца против экономического рабства.*

Так обстоит дело в Европе, так будет в свое время и в Америке.



Как оценивает капитализм религиозная совесть?

«Вы куплены дорогой ценою; не делайтесь рабами человеков» (I Коринф. 7, 23).

«Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Лк. 18, 24-25).

«... Обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно» (Мф. 13, 22).



Сейчас лишь очень небольшое количество людей считают капитализм вечной категорией. Почти никто не сомневается в том, что капитализм в ближайшие десятилетия себя исчерпает.

Вопрос заключается в том: что придет ему на смену?

Придет ли нечто лучшее или худшее?

Вопрос этот отнюдь не праздный и не теоретический. Поговорите с самым что ни на есть убежденным коммунистом и спросите его, где он предпочитает жить: в капиталистической Англии или в маоцзэдуновском Китае? И если он захочет быть искренним, он предпочтет Англию. Сделает он это потому, что в Англии он может сколько ему угодно критиковать капитализм, ругать Вильсона, — и ничего ему за это не будет. А в Китае за одно непочтительное слово, сказанное против Мао Цзэ-дуна, он будет немедленно брошен в тюрьму. Наконец, если английский коммунист попадет в тюрьму, ему будут обеспечены правовые гарантии и какие-то человеческие условия, а в маодзэдуновском Китае его ожидают

пытки, неслыханные издевательства и унижения, а затем смертная казнь. Таким образом, на практике выходит, что маоцзэдуновский «социализм» во много раз хуже английского капитализма.

Это надо помнить теперь, когда мы приступаем к обзору общественно-политических течений, которые предлагают современному капитализму какую-то альтернативу.

3. ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В первую очередь мы должны рассмотреть христианско-демократическое движение, ибо хотя христианские демократы не собираются ликвидировать собственность на средства производства, но они предлагают христианскую реформу капиталистического строя.

Мы должны беспристрастно рассмотреть это широкое движение, охватывающее десятки миллионов людей и оказывающее значительное влияние на мировую политику.

Говоря об этом движении, прежде всего надо отметить его внутреннюю противоречивость. Оно представляет собой мозаику, слепленную из самых разнообразных элементов. Уже в самом начале оно исходило из двух противоположных истоков: первым источником этого движения является христианский социализм Ламенне и Лакердера, возникший в тридцатые годы XIX века во Франции. Фелисите Робер де Ламенне (1782—

1854) в настоящее время очень мало известен русской публике. Между тем Ламенне — это благородное и светлое имя. Глубоко религиозный и очень искренний человек, аристократ, ставший священником, Ламенне начал свою деятельность как церковный писатель ультрамонтанского (крайне папистского) направления. Ламенне был захвачен социальными вопросами; был глубоко взволнован социальной несправедливостью; бедностью и приниженностью простого народа, задавленного буржуа. И из-под его пера вышел протест исключительной яркости, написанный с большой эмоциональной силой: «Слово верующего». Это одно из самых потрясающих произведений мировой литературы. Написанное стилем пророков, оно представляет собой гневное обличение богачей, пламенный призыв к равенству и социальной справедливости. «Слово верующего» обошло всю Европу, пересекло русскую границу, проникло в Петербург, и здесь к нему жадно приобщился молодой писатель, инженерный поручик, величайший правдоискатель Ф. М. Достоевский. Он перевел «Слово» на русский великолепным языком, пересыпанным славянизмами, — и распространил «Слово» среди своих друзей-петрашевцев.

«Слово верующего» сыграло роль манифеста христианского социализма. Римский папа Григорий XVI официально осудил «Слово» и лишил мятежного священника сана. В своем ответе «Дела Рима» Ламенне объявил войну одновременно

Ватикану и буржуазному государству и посвятил остаток жизни борьбе за свободу. В тоже время он оставался глубоко религиозным человеком и умер в 1854 году с молитвой на устах и со словами: «Это счастливый день!»

Ламенне, действительно, мог отойти к Богу с чувством глубокого удовлетворения, — он совершил здесь на земле дело великого значения. В то время, когда иерархия во всем мире поддерживала власть имущих, стояла за богачей и была глуха к стонам бедноты, — отважный аббат выступил один, на свой риск и страх, против угнетения, лжи и служения золотому тельцу. Ламенне не удалось организовать массового движения или политической партии; он умер в одиночестве, окруженный лишь несколькими учениками.

Однако дело Ламенне не пропало даром: его идеи продолжали оказывать огромное влияние на религиозную мысль Европы. Джузеппе Мадзини (1805—1872) провозвестник итальянского освобождения — был близок к идеям Ламенне.

Через многие десятки лет, через несколько поколений, идеи Ламенне достигли молодых католиков предвоенного времени. Еще в тридцатые годы нашего века заметное влияние имеет в Европе движение «левых» католиков, которые являются идейными продолжателями Ламенне. Это движение полностью развернулось в дни войны — во Франции, Италии, Германии, Бельгии. В этих странах тысячи молодых католиков работали в подполье вместе с социал-демократами и комму-

нистами. Тысячи католиков погибли в фашистских застенках и лагерях за дело свободы.

Движение рабочих-священников во Франции, деятельность Ла Пира и его сторонников, — это и есть истинная христианская демократия. Ее идеологом является замечательный французский церковный писатель Жан Маритен, а ее величайшим провозвестником папа Иоанн XXIII.

Увидев восшествие на престол этого папы, Ламенне воскликнул бы так же, как в день своей смерти: «Это — счастливый день!» (В его жизни было так мало счастливых дней.)

Христианская демократия в послевоенный период достигла невиданных успехов; во всех европейских странах она или непосредственно находится у власти (в Западной Германии, в Италии, в Бельгии, Голландии, Австрии) или играет очень влиятельную роль (Франция). Этим успехам она обязана героическим участникам Сопротивления, — эти успехи скреплены их благородной кровью. Многие из этих участников Сопротивления вошли и в возрожденные христианско-демократические партии.

Это, однако, лишь один из источников христианской демократии, лишь одна из ее составных частей. Другим источником христианской демократии (наряду с идеями Ламенне) является клерикализм.

Клерикальные католические партии в XIX веке, как известно, играли крайне реакционную роль; во Франции клерикализм тесно переплетал-

ся с роялизмом, в Германии католическая Партия Центра всегда была оплотом крайнего консерватизма, — неслучайно из ее рядов вышли два рейхсканцлера, непосредственно подготовившие приход к власти германского фашизма, — Генрих Брюнинг и Франц фон Папен.

Послевоенная христианская демократия вобрала в себя элементы старых клерикальных партий, — причем в некоторых партиях эти элементы захватили в свои руки командный мостик и стали определять политическую линию этих партий. Результат был самый плачевный: христианско-демократические партии превратились в обычные буржуазные партии консервативного склада. Наиболее яркое выражение этой послевоенной эволюции христианских демократов — судьба немецкого Союза христианских демократов, лидером которых был на протяжении 15 лет консервативный деятель необыкновенной силы, грандиозного таланта и железной воли — Конрад Аденауэр.

Конечно, смешно было бы отрицать огромную заслугу Аденауэра в преодолении многовековой вероисповедной розни между католиками и протестантами. Однако именно благодаря, главным образом, ему христианская демократия стала снова оплотом германского консерватизма. Ныне прогрессивные религиозные силы в ХДС оттеснены на задворки или находятся вне партии, — эта эволюция христианских демократов наложила свой отпечаток на международную христианскую демократию, которая все более и более становит-

ся в глазах миллионных масс оплотом консерватизма.

В Италии этот процесс происходит в не столь ярко выраженных формах: в христианско-демократической партии Италии не удалось подавить левые группировки, да вряд ли кто-нибудь и задавался подобной целью.

Де Гаспери — послевоенный лидер итальянских христианских демократов был человеком исключительно широким и терпимым. Широта и терпимость вообще всегда были характерной чертой итальянской христианской демократии. Однако наличие группировок, перманентная борьба между ними, необходимость постоянно искать равнодействующую между ними делает партию неспособной, парализует ее деятельность. Как показывают последние выборы в Италии, христианской демократии нужна смелая политика, великие реформы, энергичные вожди, — и прежде всего нужно размежевание с правыми деятелями типа Шельбы, которые только путаются под ногами, тянут партию вправо, компрометируют ее в глазах широких народных масс.

Глубокий кризис переживает в настоящее время французская христианская демократия: от ее успехов, одержанных после войны, когда МРП была самой крупной партией Франции, не осталось и следа. Главная причина неудач французской христианской демократии в том, что, выйдя из катакомб, в которые ее загнала немецко-фашистская оккупация, она соскользнула на позиции

обычной парламентской группировки, занятой распределением и перераспределением министерских портфелей. Она потеряла крылья, и широкие задачи евангелизации жизни и жертвенное служение народу променяла на чечевичную похлебку кулуарных комбинаций.

Да будет ее судьба уроком всем честным христианским демократам.

В настоящее время наиболее боевым и действенным флангом международной христианской демократии являются христианские демократы в странах испанского языка. За Пиренеями тысячи священников и мирян образуют союз для борьбы с фашизмом. Они организуют демонстрации, распространяют листовки; с церковной кафедры льется огненное слово — призывы к борьбе за Правду и Свет.

Смелее братья! И Воскресший из мертвых Господь впереди вас!

В странах Латинской Америки молодые христианские демократы самоотверженно борются с голодом и нищетой, с деспотизмом и невежеством. Эти партии переживают сейчас свой романтический, героический период. Будем надеяться, что они останутся романтиками и тогда, когда настанет время черновой, будничной работы.

Мы, верующие христиане, конечно, не можем быть равнодушными к дальнейшей судьбе христианско-демократического движения, поставившего своей целью — реставрацию (обновление) всего во Христе.

Мы не можем не восхищаться христианскими демократами, когда они полагают душу свою за друзей своих, когда они жертвуют жизнью за Правду. Мы не можем, в то же время, не испытывать глубокой тревоги, когда христианские демократы превращаются в обыкновенных консервативных политиков, ставящих своей целью во что бы то ни стало сохранить капитализм. Мы не можем не задумываться над тем, что надо делать честным христианским демократам, чтоб быть достойными Ламенне, чтоб быть достойными доблестных мучеников Сопротивления. Итак, что делать?

А делать надо следующее: необходимо размежевание с правыми, консервативными силами, нужна четкая и ясная программа общественных реформ; нужно найти в себе силы бросить вызов капиталистам — и построить свободное, бесклассовое, евангельское, Христово общество, как об этом мечтал великий христианин Ламенне.

4. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

До сих пор мы писали о партиях, не включающих в свои программы свержение капитализма. Теперь мы будем писать о партиях, написавших на своем знамени слово: «социализм».

Могучим движением, объединяющим в своих рядах миллионы тружеников, значительную часть рабочего класса, многих представителей

мелкой буржуазии и сотни тысяч интеллигентов, — является мировая социал-демократия представленная многочисленными и влиятельными партиями во всех европейских странах, объединенная в мировом масштабе в Социалистический Рабочий Интернационал. Большинство партий Социалистического Интернационала (или, как его обычно называют, Социнтерна), руководствуются марксистским мировоззрением. Однако марксизм не является обязательным условием для вступления в Социнтерн. Крупнейшая из социалистических партий запада — английская лейбористская партия — марксистской идеологии не разделяет: она провозглашает себя сторонницей английского социализма, основоположником которого был Роберт Оуэн. Социалистический Интернационал, в частности, провозглашает религию частным делом и ни от кого не требует обязательного принятия марксистской философии. Теоретическая мысль Социалистического Интернационала за последние 50 лет может похвалиться рядом крупных достижений: к ним надо причислить в первую очередь произведения *Макса Адлера* — основоположника так называемого *этического социализма*. Макс Адлер (один из самых боевых лидеров II Интернационала, прославившийся в 1914 году убийством министра внутренних дел Австро-Венгерской империи; Ленин неоднократно называл это убийство геройским в своих теоретических трудах) подчеркивал, что социализм должен сопровождаться волной нравственного

возрождения, морального обновления человечества. Адлер обращался к молодежи с призывом к внутреннему очищению, указывая на то, что только чистые, просветленные люди могут построить более совершенное общество.

Вопреки утверждениям коммунистической критики, этический социализм вовсе не исключает революционного действия. Макс Адлер лишь утверждает, что делать революцию, что строить социализм надо чистыми руками, что дурные, самолюбивые, морально нечистые люди все загрязнят и испакостят и скомпрометируют самую идею социализма.

Адлер не был материалистом, — он разделял философию Маха и Авенариуса — однако его нельзя, разумеется, причислить к верующим людям. Адлер — атеист. Но его призывы к нравственному возрождению людей очень близки христианину. В какой-то мере можно утверждать, что Макс Адлер первый перебросил мост от социализма к христианству.

Можно пожалеть, что этический социализм оказал лишь незначительное влияние на европейскую молодежь; идеи Макса Адлера распространились лишь на территории Австрии, Венгрии, Чехии и Румынии. Однако они оказали огромное влияние на развитие социалистической мысли.

Событием мировой социалистической мысли явилась книга Леона Блюма «В человеческом масштабе». Эта книга, писавшаяся лидером французских социалистов в немецком лагере, куда он был

заключен во время войны, и опубликованная в 1967 году, представляет собой плод трагических переживаний военных лет. Она представляет собой также итог долголетних наблюдений над ходом мировой истории в период после 1914 года, когда Леон Блюм непрерывно находился на авансцене международного рабочего движения.

Книга «В человеческом масштабе» формулирует принципы так называемого гуманитарного социализма. Все беды последнего периода истории человечества (после Великой Французской революции) заключаются, по мысли Леона Блюма, в том, что политические деятели мыслят всемирно-историческими масштабами, думают о счастье грядущих поколений, решают судьбы человечества чуть ли не на века вперед и совершенно забывают о судьбе своего современника — человека, жизнь которого втиснута в ограниченный период нескольких десятков лет. Леон Блюм призывает политиков иметь в виду, прежде всего, интересы именно этого конкретного человека. Он призывает любить не человечество, а человека, сделать его жизнь лучше, светлее, красивее, чище.

Леон Блюм никогда не был христианином, — он свободомыслящий скептик, гуманист во французском, широком стиле. Он марксист не догматик, но все-таки марксист, и по всем основным вопросам он разделяет философию диалектического материализма. Однако концепция книги «В человеческом масштабе» близка к Евангелию, которое тоже требует любви конкретной, ин-

дивидуализированной, выражающейся в конкретной, практической помощи. Все установления существуют для человека, а не человек для этих установлений: «Суббота для человека, а не человек для субботы», — гласит Евангелие (Мрк. 2, 27).

«История, социализм для человека, а не человек для истории и социализма», — провозглашает Леон Блюм.

Эта концепция представляет собой значительный вклад в социалистическую теорию, и можно лишь пожелать, чтоб этот принцип укоренился в сознании политических деятелей. Критики Леона Блюма напрасно упрекают его книгу в том, что она является апологией оппортунизма. Независимо от политической практики французских социалистов такой апологией книга Леона Блюма не является. Леон Блюм здесь формулирует нравственный принцип всякой политики, без которого политика превращается в деятельность Великого Инквизитора. И эта замечательная книга должна стать классической книгой международного социализма.

Для верующего христианина представляет интерес также установка в отношении религии английской лейбористской партии — крупнейшей из партий Социнтерна.

Основатель и многолетний лидер этой партии Рамзей Макдональд* в свое время определил со-

* Лейбористская партия считает Рамзея Макдональда ренегатом. Однако его ренегатство не зачеркивает его прошлых заслуг перед рабочим классом Англии.

циализм как прекрасно продуманную попытку воплотить в жизнь христианские, евангельские идеалы. В одной из своих речей он говорил: «Дайте мне религии, как можно больше религии, и я построю социализм».

Как уже указывалось выше, английская лейбористская партия — единственная из партий Социнтерна, которая не исповедует марксистское мировоззрение. В соответствии с этим, в эту партию входит очень много религиозных людей. В составе партии имеется, в частности, «ассоциация священников социалистов», и многие профсоюзные лидеры в Англии тесно связаны с церковными кругами.

Другие партии Социнтерна стоят значительно дальше от Церкви. Однако последние программные документы германской и шведской социал-демократии делают ряд шагов в сторону сближения с христианством.

Таковы теоретические позиции Социалистического Интернационала в настоящее время. Какова практическая деятельность международной социал-демократии? Стало шаблоном упрекать социал-демократов в оппортунизме. Это навязшее в зубах обвинение, конечно, имеет очень серьезные основания. Однако прежде чем говорить об оппортунизме социал-демократии, мы должны рассмотреть обстановку, сложившуюся в рабочем движении в настоящее время. Международная социал-демократия может гордиться рядом достижений. Наиболее яркие успехи одержал так на-

зываемый скандинавский социализм. Швеция, Норвегия и Дания — страны, в которых социал-демократия стоит уже десятки лет у власти, достигли самого высокого в Европе уровня жизни.

Рабочему обеспечен минимум заработной платы, ниже которого капиталист не может платить рабочему. Этот минимум вычислен из расчета средств, необходимых для питания, покупки одежды, содержания квартиры из трех комнат, необходимых для семьи из четырех человек. Минимум включает также средства, необходимые для развлечений (посещение театра и кино не менее одного раза в неделю) а также ежегодной поездки за границу. Практически зарплата рабочего всегда значительно выше минимума. Власть профсоюзов на производстве очень велика: практически капиталист не может уволить ни одного рабочего без санкции профсоюза. Крупным достижением скандинавского рабочего класса является также оплата больничных листов, воскресных и праздничных дней.

Подобными же достижениями, хотя и в несколько меньшей степени, могут похвастать бельгийские и голландские социалисты, которые также стоят там у власти в течение многих лет, в коалиции с католическими партиями.

Крупным событием в международном рабочем движении являлось шестилетнее пребывание у власти лейбористского правительства Эттли (1945—1951 гг.) Клемент Эттли — этот скромный, простой человек, добровольно уступивший впо-

следствии свое место лидера партии другому лицу и удалившийся от политики, чтоб свою старость провести во всеобщем забвении и покое, — сделал для рабочего класса своей страны гораздо больше, чем декоративные благодетели народа с их трескучими речами и бутафорскими эффектами. Национализация английского банка, национализация всей каменноугольной, металлургической, электропромышленности и транспорта. Установление бесплатной медицинской помощи и бесплатных аптек (чему немало способствовал энергичный министр здравоохранения Бивен). Таков памятник, который оставил после себя Клемент Эттли, который был не только убежденным социалистом, но и глубоко верующим христианином, сыном англиканской церкви.

Светлой страницей является также деятельность правительства Народного фронта во Франции (1936 — 37 гг.), возглавлявшегося Леоном Блюмом. Как известно, за этот год французский рабочий класс достиг больше, чем за пятьдесят предшествовавших лет. Самый краткий в мире рабочий день, увеличившаяся зарплата, целый ряд других социальных улучшений — такова память этого года, достижения которого были вскоре смыты наступившей войной. К сожалению, этим исчерпывается список достижений социал-демократии за последние десятилетия.

Правительство Вильсона, пришедшее к власти в октябре 1964 года, разочаровало всех поклонников лейборизма своей нерешительностью,

бездеятельностью, топтанием на одном месте. Французская социалистическая партия, лишившаяся, после смерти Леона Блюма, своего последнего талантливого вождя, полностью выпустила инициативу из своих рук, передала власть в руки де Голля и сейчас играет жалкую роль «оппозиции его величества» в пятой Республике.

Никак не проявили себя социалистические партии Западной Германии и Италии во время своего участия в правительстве. Все социал-демократическое движение за последнее время, точно испорченный локомотив, пытит и исходит парами, тщетно стараясь тронуться с места. За последнее время мы видим резкое уменьшение удельного веса Социнтерна в общественной жизни: социал-демократия все менее проявляет себя в общественной жизни; ее голос все менее слышен в международных общественных кампаниях, ее роль почти незаметна на международной арене.

В некоторых странах (как, например, во Франции) она становится партией рабочего класса без рабочих, которые массами ее покидают. В Азии и Африке она не играет никакой роли, а в Латинской Америке за ее знаменем иногда прячутся диктаторские режимы.

Поэтому можно говорить о начинающемся упадке социал-демократического движения. В чем причина такого положения? Многие наблюдатели справедливо указывают, что социал-демократия больна импотенцией: ей не хватает силы, решительности, воодушевления. Социал-демократия

ориентируется на наиболее обеспеченную часть рабочего класса, смертельно боится каких бы то ни было революционных потрясений, каких бы то ни было смелых и энергичных действий, духовных и материальных жертв. Современная социал-демократия — неплохая иллюстрация к первой части нашей работы, где мы говорили о смелости как об основе жизни. Смелость — основа всякой жизни и основа политики в первую очередь. *Партия, теряющая смелость, боящаяся жертв, становится партией мещан, прибежищем трусов и духовных скопцов.*

Социал-демократия может выйти из кризиса, только возродив революционный дух прежних времен. Слабое место современных социал-демократов в исчезновении романтики, в отсутствии воодушевляющих лозунгов, в погоне исключительно за материальным обеспечением рабочих. Но материальное обеспечение без нравственного возрождения — мещанство. Мы и видим в настоящее время в скандинавских странах усиление мещанской стихии; как это ни печально, повышение жизненного уровня там не только не вызвало духовного подъема, но даже способствовало нравственному падению. Отсюда резкое падение рождаемости и моральное разложение молодежи.

Подобная эволюция современной социал-демократии, конечно, не случайна: она опирается на ряд специфических черт западноевропейского пролетариата.

Западноевропейский пролетариат не просто

пролетариат: он и пролетариат и буржуа в одной ипостаси. Давно уже прошли времена, когда к европейскому рабочему можно было применить слова: «Пролетариату нечего терять, кроме цепей, а приобрести он может весь мир».

Сейчас немецкому, скандинавскому, английскому, французскому рабочему есть, что терять. У него есть домик, купленный обычно в рассрочку, есть приличная обстановка, рояль для дочери, мотоцикл для мальчуганов, а иногда и автомобиль для себя.

Все это нажито трудом, с усилиями, с большими лишениями. А потому это тем более дорого. Дорого это и потому, что внове. В Швеции в рабочих квартирах, в столовой, можно видеть деревенскую ложку, прикрепленную как музейный экспонат к стене. Эта ложка, которой ели деды, бабки, а иногда и родители хозяина. Смотрит хозяин на эту ложку и сердце приятно ёкает от сознания, что в буфете лежит новенькое, блестящее столовое серебро. Пойдите к такому рабочему и скажите, что завтра будет революция. У него все поджилки от страха задрожат: ведь революция — это хаос, сумбур, кораблекрушение, — а во время кораблекрушения уж неминуемо погибнет столовое серебро. Да и одно ли только серебро? Пожалуй, вместе с серебром пойдет ко дну и домик с хозяином и семейством. Этот избиратель отдает свой голос социал-демократии в полной уверенности, что она революции не сделает и что никакого кораблекрушения не прои-

зойдет, и, наоборот, к семейному серебру прибавится еще семейное серебро, нужное хотя бы для приданого дочери. Есть и другой избиратель, который следит за политикой, который часто слушает радио . . . а радио приносит вести с востока, из далекого Китая и из России . . . печальные вести . . . о Мао Цзэ-дуне и о Сталине, о культе личности и об арестах . . . Выключает со вздохом избиратель радио и идет на выборы, чтоб отдать свой голос за социал-демократов с полной уверенностью, что они революцию не сделают. Но молодежь . . . молодежь не дорожит столовым серебром, бури ее не пугают и потому порою рабочий парень отворачивается от плаката с призывом: «Голосуйте за социал-демократию!» и обращается к коммунистам. Будем и мы сейчас писать о коммунистах.

5. КОММУНИЗМ

Несколько лет назад, когда еще только намечалось обострение отношений с Китаем, один мой приятель, старый, умудренный жизненным опытом человек, сказал: «Скоро мы будем иметь два коммунизма, как когда-то имели два социализма».

Это предсказание сбылось с той лишь разницей, что мы сейчас имеем не два, а по меньшей мере три коммунизма (не считая еще нескольких национальных вариантов).

Основные три концепции коммунизма, которые мы имеем в настоящее время, это — маоцзэдуновская, московская и титовская. Причем сторонники каждой концепции считают только свой «коммунизм» единственно истинным, тогда как своим идейным противникам они отказывают в коммунистическом качестве. Так Пекин называет московских коммунистов ревизионистами, а белградских коммунистов реставраторами капитализма. Москва называет пекинских коммунистов «националистической группой Мао», а белградских коммунистов во время Сталина называли ни более ни менее, как . . . фашистской кликой Тито.

Не принадлежала ни к одному из этих трех направлений, мы попытаемся добросовестно и беспристрастно выяснить основные черты всех трех вариантов мирового коммунизма.

На первое место мы поставим пекинский вариант, потому что здесь наиболее выпукло выражены многие основные черты коммунизма.

Нам очень трудно беспристрастно и спокойно писать о маоцзэдуновом коммунизме по двум причинам: во-первых, потому что зверства Мао Цзэ-дуна, его издевательства над людьми и его деспотизм до такой степени возмущают совесть свободного человека, что очень трудно сдерживать негодование и ненависть к этой тирании. Во-вторых, потому что европеец не всегда может понять китайскую психологию, а специфически китайские

черты накладывают очень сильный отпечаток на весь строй современного Китая.

Но, как говорил когда-то М. В. Покровский, в истории (а, следовательно, и социологии) так же, как в физике и в химии, надо не возмущаться и негодовать, а прежде всего понимать. В маоизме есть одна сильная идея, которая (как это ни странно) близка христианскому сердцу. Мао совершенно правильно утверждает, что накопление материальных благ не может быть целью жизни, что, гонясь за материальными благами, объявляя, что вне них нет счастья, — социалисты сами становятся мещанами, буржуа. Культивировать погоню за богатством, за полным обеспечением, — и считать, что таким образом придет земной рай, — это и значит насаждать стопроцентную буржуазную идеологию.

Когда-то Горький устами Сатина провозгласил: «Я не хочу работать, чтоб быть сытым, ибо человек выше сытости». Впоследствии эти слова были забыты, и «изобилие» продуктов питания (изобилие», которого все так и не удается достигнуть) было объявлено венцом счастья и целью мировой истории. Конечно, умные и образованные коммунисты говорили иначе: они считали, что социализм и коммунизм должны принести полное раскрытие всех человеческих возможностей. Однако в сталинские времена (да и сейчас) повседневная пропаганда делает ударение именно на «сытость», на материальный достаток. «Жить стало веселее», — говорил Сталин в 1935

году, а в Ленинградском Педагогическом институте им. Герцена диаматчик следующим образом комментировал эти слова: «Жить стало веселее, потому что жить стало лучше, изобильнее, богаче — ибо бытие определяет сознание».

В 1950 году освобождался из лагеря парень, неплохой парень, хотя и сидел он за убийство, совершенное в драке. Освобождаясь, парень говорил: «Я поеду рыть каналы. — А почему именно каналы? — Рыть каналы, чтобы все люди были счастливы». Ответ, поразительный по бессмыслице, но правильно отражающий официальные установки того времени.

Лет десять назад мне пришлось беседовать с одной пожилой дамой, старой коммунисткой, которая выразила свое возмущение притеснениям верующих во времена Хрущева. А затем следовало следующее рассуждение:

«Дали бы каждому хорошую квартиру, с ванной, со всеми удобствами, — и тогда не надо никакой религии».

Разумеется, это все карикатурные примеры, но карикатуры тоже характерны; они показывают все недостатки в наиболее выпуклом, рельефном виде.

Сталин не случайно сводил всю пропаганду к проповеди «сытости», ибо человек, для которого «сытость» — начало и венец мудрости, побежит за любым вождем и учителем и будет боготворить любого деспота. Наоборот, человек, которому мало «сытости», у которого есть духов-

ные запросы, неминуемо захочет критически разобратся в том, что ему подносят, и кончит тем, что потребует свободы. Поэтому возрождение русской литературы началось с евангельских слов «Не хлебом единым». Роман Дудинцева, который стал первой ласточкой новой русской литературы, напомнил русскому обществу эти евангельские слова, и они пали на добрую почву. Русский человек (особенно молодежь) вырос из пеленок, и теперь, через 12 лет после разоблачения Сталина, люди знают, что счастье очень сложное понятие, — каналы, холодильники и ванны, даже самые совершенные, не делают человека счастливым.

«Не хлебом единым» — говорит и Мао, понявший, что погоня за ваннами и холодильниками не может вызвать ни воодушевления, ни энтузиазма.

«Не хлебом единым», — это сказано в Евангелии.

Но там сказано и другое: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божих» (Мф. 4, 4) — словом любви, правды и свободы.

Но Мао дал людям не слово Божие, а слово дьявольское — слово ненависти, лжи и рабства.

В очень интересных воспоминаниях о Китае, напечатанных в «Новом мире» (1968, №№ 1, 2, 3), приводится очень характерный эпизод. В Пекинском университете профессура, не угодившая хунвейбинам, поставлена в положение париев:

почтенных людей на глазах у всех заставляют исполнять самую грязную работу, их избивают, оплевывают (в буквальном смысле этого слова), заставляют их ходить, склонив голову. Русский студент спрашивает: «Почему вы так унижаете их человеческое достоинство?» Ответ: «Они не люди, они — классовые враги».

В этом ответе вся сущность маоизма: всякий, кто расходится с Мао, не человек и в отношении него все дозволено. Таким образом, маоизм воспитывает в людях ненависть и прежде всего ненависть. Страстной ненавистью проникнуты все речи китайских лидеров. Ненавидят они решительно всех: американских империалистов, советских ревизионистов, своих собственных недавних товарищей (ревизионистов китайских), наконец, они ненавидят друг друга: хунвейбины — цзаофаней, те и другие — партийных деятелей; исключение делается лишь для Мао и его жены. Любит ли кого сам Мао? Доверяет ли он кому-нибудь? Вероятно, только одного человека — свою жену (этим он отличается от Сталина).

В Китае сейчас имеется воодушевление, но это воодушевление ненависти, злобы, всеобщей подозрительности.

Правдив и искренен ли сам Мао, когда он проповедует эту примитивную философию? Нет, не искренен и не правдив. По странной иронии истории — проповедник самой примитивной в мире философии, нигилист, отрицающий науку и искусство, топчущий китайскую культуру — эруди-

рованный человек, одареннейший поэт, удивительно тонко чувствующий китайскую поэзию. Мао задал загадку грядущим поколениям, — сотни историков и психологов будут разгадывать сложный ребус: его личность. Несомненно одно: Мао — великий инквизитор, который считает людей дурашливыми, слабыми, наивными, смотрит на них, как на месиво, как на строительный материал, как на безличную массу.

Мао — великий ум и острый ум, он по-своему глубокий человек. И он понимает, что бюрократия слишком ненадежный инструмент именно благодаря своей беспринципности, чинопочитанию, привычке повиноваться любому указанию сверху. Бюрократия, что дышло, куда повернешь — туда и вышло. Опыт Сталина кое-чему научил: он помнит, с какой легкостью бюрократия, заботливо взращенная и взлелеянная Сталиным, от него отреклась, — и как ни один бюрократ не выступил в защиту его памяти. Поэтому Мао хочет опереться на народный фанатизм, на молодежь, на массовый психоз. В этом отношении маоизм сродни гитлеризму: хунвейбины и цзао-фани — сродни штурмовикам, и кампании, проводимые Мао против неугодных ему слоев населения, как две капли воды, похожи на проводившиеся Гитлером и Геббельсом антисемитские кампании. Здесь можно вспомнить о серии погромов, прокатившихся по Германии после убийства в Париже гитлеровского дипломата в 1938 году; здесь можно вспомнить о массовом разгуле

штурмовиков в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, что тоже, как известно, именовалось «революцией»; и расправы Гитлера со своими сподвижниками 30 июня 1934 года. Случайно ли это сходство? Вряд ли. Мао, конечно, учитывает опыт гитлеризма в околпачивании масс, в создании массового фанатизма, тем более, что Гитлер достиг блестящих результатов: штурмовики дрались до последней капли крови; шестнадцатилетние юнцы, как остервенелые, лезли с голыми руками на танки в мае 1945 года, когда для всех было ясно, что дело Гитлера проиграно. Разница лишь в том, что Гитлер, апеллируя к низменным инстинктам масс, давал им волю лишь на короткие промежутки, а затем захлопывал поддувало и снова передавал власть целиком в руки бюрократии, тогда как Мао хочет сделать свой разбой перманентным. Мао называет это разнуздывание всех низменных инстинктов революцией, но революция не получается — получается, как и у Гитлера, оголтелая, звериная реакция. Реакция и только реакция. Ибо маоизм есть огромный шаг назад в истории Китая — все самое худшее, что было в Китае, — зверство, разбой, — все всплыло на поверхность. Прослойка культуры, носительницей которой была интеллигенция, отброшена, — варварство, дикость, грубость торжествуют.

Один человек, проводивший многие десятки лет в Китае, рассказывал о следующем явлении, имевшем место в Китае двадцатых годов. В эти годы шанхайские нищие были организованы в мо-

гучую корпорацию, возглавлявшуюся вождем. Методы их работы были следующие: представители корпорации облагали лавочников особым налогом. И вот, приходит в лавку представитель «вождя» и требует уплаты назначенной «вождем» суммы. Лавочник находит сумму непомерно большой и платить отказывается. На другой день приходит в лавку человек и вспарывает себе брюхо. Скандал. Полиция. Протокол. Дознание. Хозяина лавки таскают по инстанциям. Допрашивают. Ему приходится давать взятки. На другой день снова в его лавке человек вспарывает себе брюхо. Все начинается сначала. И так будет продолжаться до тех пор, пока лавочник не уплатит требуемую сумму. Вникните в психологию этого «вождя», который бестрепетно посылает людей на смерть только, чтоб поставить на своем. Вникните в психологию этих людей, которые идут на смерть, бестрепетно и покорно, по мановению «вождя», добровольно играя роль пешек в его игре, и вы получите маоизм, — та же азартная игра в мировом масштабе, то же фанатическое обожание вождя, та же темная, дьявольская религия.

Каково будущее маоизма? Некоторые думают, что со смертью Мао все кончится, что после него начнется ликвидация «культ личности» в Китае. Вряд ли. Мао во много раз крупнее Сталина, и созданное им фанатическое движение так легко не рассеется. Хунвейбины и цзаофани и после смерти Мао будут отстаивать его идеи и перере-

жут горло всякому, кто поднимет руку на его память.

Однако есть в Китае и другие силы: прекрасное китайское крестьянство, трудолюбивое, чисто-плотное, впитавшее в себя конфуцианскую мораль, которая вошла в его плоть и кровь; хороший трудолюбивый китайский рабочий, который ни минуты не сидит без дела, который работает с утра и до вечера на производстве, а потом, у себя дома, помогает жене, моет пол, стирает белье и готовит обед. В этих людях силен здравый смысл, чувство порядочности, нравственная опрятность. Они не дали захлестнуть себя мутной волне маоизма. И они скажут свое слово.

В Китае предстоит еще упорная борьба между маоизмом и борцами за свободу. Но маоизм — это упорный, сильный и беспощадный противник, — и в историю он войдет как своеобразный гибрид коммунизма с фашизмом, как печальный пример того, до какого зверства, до какой дикости может дойти движение, которое подменяет любовь — ненавистью, духовное — внешним, Бога — дьяволом.



Как известно, маоизм претендует на руководящую роль в мировом коммунистическом движении. Однако захватить руль ему пока не удастся, да вряд ли когда-нибудь и удастся. Самое большее, на что может рассчитывать маоизм —

это посеять разброд и шатание в ряде партий и оторвать эти партии от Москвы; это и удалось маоизму в Индонезии, на Кубе. В меньшей степени, в Японии, Корее, Вьетнаме, где возникли специфические, национальные варианты коммунизма, пролегающие между Пекином и Москвой. До сих пор лишь одна албанская компартия безоговорочно поддерживает Мао. Таким образом, до сих пор ведущей линией в мировом коммунизме остается линия Москвы.

Поэтому судьбы мирового коммунизма переплелись с судьбами русского народа: нельзя писать о коммунизме и не говорить о России. Нельзя писать о России и не говорить о коммунизме.

В своем послании римскому папе (в декабре 1967 года) я писал: «Построение промышленности без хозяев, без частных предпринимателей, без фабрикантов — короче говоря, без буржуазии — является большой исторической победой русского народа». Должен сказать, что этот тезис вызвал ярые протесты со стороны ряда лиц. И тем не менее, я снова и снова повторяю этот тезис. Я отнюдь не склонен искать расположение у официальных инстанций (все равно они никогда не будут ко мне относиться иначе, как с ненавистью). Я отнюдь не склонен восхищаться безоговорочно Октябрьской революцией, — я знаю, сколько крови и слез принесла она. И тем не менее я повторяю с полной уверенностью — Октябрьская революция была великой победой русского народа.

Испания самая отсталая из стран западно-ев-

ропейского континента; крепостное право там было уничтожено позже, чем где бы то ни было. Заметьте; мы говорим о крепостном праве, а не о феодализме. О крепостном праве — с продажей людей, с правом сечь, перевозить по своему произволу с места на место, проигрывать в карты и выменивать на собак. Так вот, в Испании такое право было отменено в 1486 году. В Англии же крепостное право в этом смысле было отменено в XII веке.

Таким образом, Россия отстала от самой отсталой западно-европейской страны ровно на 400 лет. Это наложило определенный отпечаток на весь строй русской жизни: нигде не было такого неравенства и такого бескультурья, как в России. Из этого, конечно, не следует, что все в России было плохо; во всякой стране, при всяком строе, как и у всякого человека, есть свои хорошие и плохие стороны. Речь идет именно о неравенстве и бескультурье. Приведем несколько примеров из жизни.

Когда моя бабушка в 1904 году побывала в Вене, то первое, что ее поразило, — это вид извозчика, читающего, сидя у себя на козлах, газету. Вещь, настолько невозможная и невероятная в России, что она остановилась, как вкопанная, и не могла поверить своим глазам.

Мой дед, предприимчивый и довольно состоятельный еврей, арендовал в Полтавской губернии имения у разорившихся помещиков. Причем по закону еврей не мог арендовать землю. Сделка

совершалась таким образом: помещик оформлял деда приказчиком, получал деньги и уезжал на... двадцать лет. Все делалось на слово и, к чести помещиков, ни разу никто деда не обманул. А дед перенимал все prerogatives помещичьей власти. Дед был гуманным хозяином и крестьяне им были довольны. Тем не менее, стоило деду заметить, что крестьянин прошел мимо дома, хотя бы вдалеке, в шапке, им овладевала дикая ярость: он, как сумасшедший, бросался на несчастного мужика или парубка, сбивал с него шапку, начинал лупить его по роже и ругать парня последними словами. (Дед представлял собой непривычный тип еврея — рослого, плечистого и физически очень сильного.) Это не вызывало ни в ком ни малейшего изумления: наоборот, все принимали это, как должное. «Справедливый человек Илья Израилевич, — говорили крестьяне, — за дело отлупит и ссуду даст».

А вот что происходило у нас в семье. В двадцатые годы весь строй жизни оставался в буржуазных семействах такой же, как до революции. У нас в семье был близкий и бесконечно мне дорогой человек — Пелагея Афанасьевна Погожева (попросту, Поля) — прислуга, няня, экономка — все вместе. Отец ей доверял безгранично и считал ее своим человеком в семье. И тем не менее она была крепостной. Крепостная и только. Она не имела ни выходных дней, ни личной жизни. Чтобы уйти из дому, она должна была испрашивать особого разрешения, — ее отпускали на опре-

деленное время — до 11 часов вечера, причем всякое опоздание сопровождалось выговором, — она никого, кроме двух-трех подруг не могла к себе пригласить, хотя у нее была отдельная комната возле кухни. Этому же режиму подчинялась ее сестра Настя, когда приезжала гостить к ней из деревни (а гостила она месяцами тоже на правах своего человека) и другие. Я вспоминаю предшественницу Поли — Матрену (женщину под 70 лет), нравную, ворчливую старуху, которую и сам отец побаивался и уважал, — тем не менее она целовала руку у матери — тридцатилетней женщины — и пыталась целовать руку у бабушки; бабушка отдергивала руку (Лев Толстой не позволял), а мать принимала это целование со спокойствием королевы или епископа.

В 1945 году я вернулся в Ленинград из эвакуации, раздетый, разутый, полуголодный, как тогда все. Я приехал прямо к Поле, которая сохранила для меня часть вещей; она приняла меня, как родного сына: долго целовала и обнимала и подала на стол горячие щи. Я стал их с аппетитом уплетать и вдруг заметил, что сама она исчезла на кухню. Так продолжалось и второй, и третий, и четвертый день моего у нее пребывания.

И только потом я сообразил, в чем дело. Ведь в нашем доме прислуга, конечно, никогда не ела с нами за одним столом. И значит, я для нее, хоть и голодный и сидящий за ее столом, но все же — барин. И мне стало стыдно. Стыдно за отца, за мать, за себя. Таковы остаточки, лишь крохотные

остаточки того неравенства, которое было в до-революционной России.

Отец был человек крикливый, вспыльчивый, но не сухой и не педантичный; с прислугой он обращался за панибрата, говорил ей «ты», шутил и балагурил, а иногда рассказывал о своих делах и даже советовался с Полей.

Совсем другое мать, тетки, подруги матери, — там было холодное, вежливое «Вы» и совершенная пропасть: никаких разговоров и никаких личных отношений; только через несколько лет лед оттаивал и барыни с прислугой превращались в обыкновенных женщин, которые начинали разговаривать о своих женских делах, но только редко, редко, в отдельные моменты.

Эта стена, воздвигнутая веками, не могла бы сама собой рухнуть, — ее можно было разрушить, и ее надо было разрушить. Разрушением этой стены и была Октябрьская революция.

Все делалось грубо, жестоко и по-хамски. А разве то, как третировали простой народ — это было не грубо, не жестоко, не по-хамски? Разве не были хамством, например, надписи в Петрограде, в Александровском саду (я сам их еще застал): «Лицам в русском платье через сад проходить воспрещается» (то есть мужикам в сапогах и бабам в платках, как ходило тогда подавляющее большинство крестьян и рабочих)?

Разве не было грубостью и жестокостью то, как плевали в лицо простым людям, лупили их, не считали за людей.

Гражданская война унесла многие жертвы, породила много жестокости. Однако, рискуя вызвать недовольство моих эмигрантских читателей (если эта моя статья до них дойдет), я отмечу, что жестокости со стороны белых было больше, чем со стороны красных, или во всяком случае не меньше. Напомню о фонарных столбах, увешанных, точно гирляндами, повешенными, о колодцах, набитых евреями, о массовых порках шомполами (обо всем этом я знаю отнюдь не из официальных источников, к которым привык относиться с недоверием, а из рассказов многочисленных очевидцев, в том числе, таких очевидцев, которые отнюдь не были дружественно расположены к советской власти, которые сами сражались в рядах Белой армии). Я помню бывших офицеров, представителей свергнутых классов, которые пылали ненавистью и яростью, и которых остановить можно было лишь силой.

И вот Октябрьская революция победила. И миллионные массы приветствовали ее победу, как свою победу, — отрицать это — значит обманывать самих себя или говорить явную неправду.

Нельзя отрицать также трудового героизма раздетых и разутых людей, которые «по винтику, по кирпичику» восстанавливали разрушенные фабрики и заводы, а затем построили могучую промышленность. Нельзя не восхищаться их героизмом в войне с самой сильной в мире германо-фашистской армией.

И здесь мы ставим точку.

Довольно славословий.

Поговорим о недостатках и пороках.

Когда Маркс и Энгельс сформулировали свою теорию, то сразу же стал вопрос о государстве. Этот вопрос, как известно, дебатировался с анархистами еще во времена I Интернационала. Аксиомой в революционных кругах того времени считалось, что государство — это зло, это — историческая категория, которая возникла и которая отомрет. Спор марксистов с анархистами вращался вокруг следующего вопроса: нужно ли государство взрывать немедленно, как это утверждал Бакунин, или надо сначала подготовить условия для его отмирания, как это утверждали Маркс и Энгельс. В полной мере развил эту теорию Энгельс в своем известном произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Далее, никем из марксистов и никогда тезис об отмирании государства не оспаривался и учение Маркса не встречало ни одного возражения со стороны его сторонников. Меньше всего против этого спорил когда-либо В. И. Ленин. Летом 1917 года, в шалаше под Разливом, была написана одна из самых острых книг, направленная против самой идеи государства.

Эта книга — «Государство и революция».

В этой книге Ленин писал о будущем пролетарском государстве следующее:

«Специфическое начальствование государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми

функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за заработную плату рабочего... Сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых надсмотрщиков и бухгалтеров (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот наша пролетарская задача, вот с чего и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному отмиранию всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей*.

В этой работе Ленин цитирует знаменитые высказывания Энгельса о «государстве», которое будет отправлено в музей вместе с бронзовым топором (эпохи каменного века).

О государстве после пролетарской революции Ленин говорит как об отмирающем государстве — государстве переходного типа:

«Далее, при переходе от капитализма к комму-

* В. И. Ленин. Цитирую по «Избранным произведениям» в двух томах. Изд. 4-е, т. II. 1946 г., стр. 158-159.

низму подавление еще необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов — дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может «и при очень простой» «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов Рабочих и Солдатских депутатов — заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, *некого*, в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие экс-

цессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ. С такой же простотой и легкостью, с какой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда, и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет и государство*».*

Правы ли были, однако, Маркс, Энгельс и Ленин, когда говорили о том, что государство после пролетарской революции должно отмирать? Да, они были в этом совершенно правы. Ибо цель создания социалистического, коммунистического, какого угодно лучшего общественного строя — не создание государственной промышленности (стоит из-за этого огород городить и столько крови лить), и рытье каналов (каналы можно рыть, в конце концов, и при капитализме), и не возведение какой-либо державы, например, России (когда эта Россия не была великой?), цель создания социализма — освобождение людей от какого бы то ни было гнета, — экономического, соци-

* Там же, стр. 186-187.

ального и политического. Все остальное лишь средство и только средство.

Но возможно ли полное (или даже какое бы то ни было) освобождение человека, когда существует гигантский, все охватывающий спрут — государство.

Ибо государство, берущее на себя все руководство хозяйственной жизнью, все функции распределения, пропаганды, средств информации и т. д. — становится в миллион раз сильнее, чем при капитализме.

Оно сосредотачивает в своих руках неограниченную власть и имеет в своем распоряжении все средства подавления, становится практически бесконтрольным.

Это понимали и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Поэтому, как только они говорили о пролетарской революции, они тотчас говорили об отмирающем государстве, ибо отсутствие частной собственности на средства производства при полном сохранении государства (такие явления история знает, хотя и в частном виде — Египет, Ассирия, Вавилон и др.) не только не освобождает человека, но лишь еще более его закабаляет. Правда, Маркс, Энгельс и Ленин спорили с анархистами, которые требовали немедленной отмены государства, но спорили вовсе не потому, что очень любили государство, но только потому, что понимали полную невозможность немедленно «отменить» государство. Короче говоря, они мирились с госу-

дарством на какой-то срок, как с неизбежным злом. И ничего больше.

Все это считалось аксиомой для всякого марксиста в двадцатые-тридцатые годы. Тогда это называлось «азбукой коммунизма». Потом пришел Сталин. И начались ограничительные толкования: дескать, отмирать государство начнет уже потом, когда коммунизм победит во всемирном масштабе и т. д. После Отечественной войны учение об «отмирании государства» вообще исчезает куда-то, — о нем молчат пропагандисты, о нем не говорят в школе, о нем молчат официальные ораторы. Правда, нигде оно и не отрицается. Но когда мы находим во всех газетах, журналах, речах, статьях, диссертациях, трудах бесчисленные, бесконечные славословия в адрес советского государства — и нигде не находим ни одного слова о том, что оно должно отмереть, то не вправе ли мы сказать, что учение об отмирании государства забыто. И забыто не случайно. (В политике случайностей не бывает.)



Очень много говорили и писали о Сталине. Еще больше будут говорить и писать о нем в дальнейшем.

Насчет нравственных качеств Сталина никто не спорит. Никто не спорит о его интеллекте. Однако, чем дальше уходит в историю личность Сталина, тем больше появляется потребность

разобраться в том, какова закономерность, создавшая сталинский строй.

Действительно, Сталин был очень дурным и очень жестоким человеком, но все-таки характер его не мог бы проявиться в такой чудовищной форме, если бы не было для этого определенных условий.

Действительно, Сталин был талантливейшим государственным деятелем, обладавшим исключительной силой воли, способностью понимать реальную обстановку, формулировать четко и ясно свои цели, добиваться претворения в жизнь этих целей, — однако все его таланты или (если угодно) государственный гений не принесли бы ему таких триумфальных успехов, не будь на это определенных условий. Какие же это условия?

Гражданская война показала необыкновенную мощь советского государства, люди стоявшие во главе советского государства научились повелевать, командовать, приказывать, и убедились в том, что их приказы послушно исполняют. Психике человека свойственно идти по линии наименьшего сопротивления — приказывать, а не убеждать, повелевать, а не воспитывать, убивать, а не исправлять. Так постепенно вырос слой людей, привыкших командовать, и отвыкших разъяснять, убеждать, говорить с людьми.

Более того, возник слой людей, которые привыкли, чтоб ими командовали, чтоб ими повелевали, приказывали — короче говоря, возник слой людей, привыкших безропотно повиноваться но-

вой власти. Таков психологический фон сталинского самовластия. Каков социальный фон сталинского самовластия?

В тридцатые годы наше государство встало на путь мелочной опеки своих граждан. Такая опека бывала иногда и раньше. Энгельс в качестве примера такой мелочной опеки приводит прусского короля Фридриха Великого, который запретил употребление желудевого кофе, а затем сам ходил по Берлину и «нюхал своим королевским носом не пахнет ли где-либо кофе».

Подобно этому, Сталин совал свой «королевский нос» всюду и везде. Его все интересовало: кто что читает, кто что пишет, кто во что верует, о чем говорит муж с женой, лежа в кровати и т. д.*

К сожалению, Сталин не мог повторить опыт Фридриха и самому нюхать все запахи (Москва XX века — это не Берлин XVIII века), поэтому при Сталине мы видим невероятное расширение штата чиновников, выражаясь по-ученому, бюрократии. Широкое использование подневольного труда на стройках, регламентация сельского хозяйства сделали кадры бюрократии совершенно безграничными и вся эта бюрократия полностью поддерживала Сталина.

О том, что такое бюрократия, дают представление некоторые примеры. В пятидесятые годы, находясь в лагере, я сблизился с начальником

* Это не шутка. Со мной сидела в одном лагере жена маршала Ворожейкина, которой инкриминировался разговор с мужем, который супруги вели, лежа в постели.

санчасти старшим лейтенантом Л. Сближение произошло благодаря тому, что лейтенант оканчивал заочную среднюю школу и поступал в Юридический институт. Готовить его было, кроме меня, по русскому языку некому. И я стал его ментором. Л. оказался очень неплохим парнем, однако, с сожалением должен сказать, что весь образ его жизни совершенно отучил его от труда. Приходит ко мне мой Ваня (так я его называл с глаза на глаз) и жалуется:

— Начальник меня страшно нагрузил.

— Чем это?

— Обязал каждый день проверять санитарное состояние барakov.

— Ну как Вам не стыдно, Ваня, ведь у нас всего восемь секций. Вам надо зайти в секцию, принять рапорт дежурного и пройтись по бараку. Каждая секция отнимет у вас 2 минуты — итого вы проработаете в день 16 минут.

Действительно, никакой другой работы у Вани не было: прием больных вели врачи или фельдшеры, в больнице работали врачи, санитарным состоянием ведал санинструктор из заключенных. И за эту «работу» лейтенант получал, если память не изменяет, 2500 рублей (в старом масштабе цен). 1500 рублей — оклад, 1000 рублей — за чин. Плюс к этому: у него на огороде работали заключенные, дом ремонтировали заключенные, учили его также заключенные (кроме меня, его учило еще три человека).

Был ли исключением Ваня? Нет, кроме него,

работали на лагпункте примерно с той же нагрузкой зав. КВЧ (культурно-воспитательной части), зав. спец. частью, зав. административно-хозяйственной частью, главбух (за которого работали заключенные), зам. начальника лагеря, зав. охраной. Работал по-настоящему лишь начальник лагеря (это был хозяйственник) и оперуполномоченный МГБ. (Насколько целесообразна была его работа — это другой вопрос.) Собственно говоря, можно было уволить этих шестерых и оставить одного начальника, — ничего от этого бы не изменилось. Каков был интеллект всех этих работников? Приведу опять пример. Мой первый урок с Ваней:

— Читали ли Вы «Медного всадника»?

— Читал, — это про Петра I.

— Как можно назвать такое произведение, когда пишут о давно умершем человеке?

Молчание.

— Ну как, Пушкин мог знать лично Петра I?

— Да, он, конечно, его лично знал.

— Ну что Вы, Петр I умер за сто лет до Пушкина. (Изумление.)

— Откуда же тогда Пушкин мог о нем слышать?

Между тем, заработок этого «знатока изящной словесности» превышал заработок любого учителя литературы ровно в три раза.

Есть ли что-нибудь удивительного в том, что Ваня преклонялся перед Сталиным? За чей счет, однако, Сталин так щедро награждал Ваню? За

свой счет? Нет, за счет рабочих, которые трудились в лесу (не будем забывать, что каждый лагпункт был хозрасчетной единицей). Таким образом, Иван жил за счет прибавочной стоимости и только прибавочной стоимости. Мы привели очень выпуклый и яркий пример, но таких примеров можно привести бесчисленное множество, всюду и везде, в любой области. Вот эта-то бюрократия и была верной социальной опорой сталинского режима. Но довольно о прошлом. Поговорим о настоящем.

1956 год провел глубокую борозду в нашей жизни. С культом Сталина покончено. Покончено навсегда. Никому уже никогда не удастся этого «черного кобеля отмыть добела». Исчезли и очень многие специфические особенности сталинского режима: массовые аресты, пытки заключенных, — очень, очень многие другие язвы русской жизни. И, главным образом, исчез страх, тот животный страх, который парализовал при Сталине всякую живую мысль, превращал людей в кроликов, делал из них окурки и обрубки.

Изжита ли, однако, сталинщина?

Нет, не изжита. Как я указывал в своей статье об Н. С. Хрущеве, ни одна из широко разрекламированных реформ не была доведена до конца. Это при Хрущеве. Что же говорить о времени после Хрущева.

После Хрущева все застыло на точке замерзания. Никакого движения — ни назад, ни вперед. В чем, однако, специфика сталинщины. Специфи-

ка сталинщины в том, что можно назвать государственным фетишизмом. Государству приписывается какое-то магическое, сверхчеловеческое значение. Ему приписывается непогрешимость и непререкаемость.

Здесь мне невольно вспоминается разговор, который я имел в августе прошлого года в стенах КГБ. Я был вызван туда в качестве свидетеля по делу Гинзбурга—Галанскова. Во время допроса вошел старший следователь Елисеев, — и разговор принял более общий характер. Я сказал, что считаю процесс Синявского—Даниэля ошибкой. Елисеев на это ответил:

— Это ваше личное мнение, а то суд государства.

— Но ведь государство осудило при Сталине миллионы людей, а теперь их пришлось реабилитировать.

— То было при Сталине, а теперь не то.

Этот разговор очень характерен: в плоть и кровь многих людей вошла вера в божественность государства. Да, да, божественность, ибо если вы приписываете государству непогрешимость, всемогущество, всеведение, признаете за ним право регулировать все вопросы, руководить совестью людей, диктовать им их убеждения, — то это и есть божественность.

Надо ли доказывать, что ни одного из этих качеств государство не имеет. Их не имеет никто из людей, — не может их иметь и несколько сот чиновников, попавших на свои должности в силу

разных случайных причин (даже если они и очень умны, образованны, бескорыстны, а ведь это не всегда так). Никто из них не претендует ни на какую непогрешимость в личной жизни; скажи жене каждого из них, что ее муж непогрешим, — она расхохочется вам в лицо. Но почему-то, когда они входят в свои учреждения, садятся за письменные столы и начинают писать инструкции, указы, законы и т. д. — все они вдруг становятся непогрешимыми и всякое сомнение в этом считается тягчайшим грехом, крамолой, почти безумием.

Сведите к этому простому объяснению понятие о государстве, — и все станет ясно и понятно, станет ясна вся нелепость обожествления государства. Но в том-то и дело, что идея государства в течение тысячелетий обволакивается мистическим туманом, обожествление его становится настолько привычным, что рядовому человеку не может даже в голову прийти, как это можно не обожествлять государство.

Необходимо рассеять этот дурман — необходимо вывести людей из состояния гипноза, — без этого невозможен никакой настоящий прогресс, никакое подлинное освобождение людей. Не странно ли, однако, что рассеивать мистический туман собирается верующий человек, поп, поп, — в широком смысле этого слова, ибо я принадлежу к людям, для которых религия является не только верованием, но и профессией, так как вот уже девять лет я живу исключительно тем,

что пишу статьи на религиозные темы. Нет, это не странно, ибо христианская религия не всякую мистику и не всякое обожествление признает. Обожествление твари она безусловно отвергает.

«Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься Мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: 'Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи'». (Мф. 4, 8-10).



Из всего этого не следует, что мы отвергаем государство. Как это ни печально, отменить его сейчас невозможно. И было бы лицемерием говорить что-нибудь подобное.

Государство надо не отменить, а ограничить. Это ограничение — есть путь к отмиранию государства. В двух своих статьях «В час рассвета» и «Топот медный» я попытался сформулировать три основные функции современного государства, которые должны быть безусловно оставлены:

1. Борьба с уголовными элементами (убийцами, грабителями, шпионами, и т. д.)
2. Защита границ.
3. Руководство хозяйственной жизнью.

Быть может, в данный момент можно ограничиться даже и еще более скромным требованием — точным соблюдением действующей Конститу-

ции, ибо ни для кого не секрет, что действующая Конституция не соблюдается.

В Конституции написано, что предоставляется гражданам свобода слова, печати и собраний, а литераторов сажают в тюрьму (Синявский, Даниэль, Гинзбург), запрещают им публиковать свои произведения (А. И. Солженицын). В Конституции сказано, что всем гражданам гарантируется свобода демонстраций и уличных шествий, а людей, которые это право пытаются осуществлять, тоже сажают в тюрьму (Виктор Хаустов, Владимир Буковский, Евгений Кушев, Вадим Делоне).

В Конституции написано, что Церковь отделяется от государства, а свобода отправления религиозного культа признается за всеми гражданами СССР, а практически государство нагло вмешивается в церковные дела — устанавливает церковные штаты, так что нельзя даже открыть вакансии псаломщика без санкции уполномоченного и рукоположить священника без его же санкции. Свобода же религиозного культа выглядит таким образом, что целые области лишены церквей, а верующим категорически отказывают в открытии храмов (Калининградская область) запрещают молиться в неположенных местах, насильственно закрывают монастыри.

Давайте, прежде всего, исполним хотя бы те законы, которые имеются, выполним ту Конституцию, которая утверждена, — выполним это — что вы можете против этого возразить?

Нам часто говорят, что все свободы у нас осу-

ществляются лишь на пользу народу. Давайте, народные радители, обратимся к самому народу. Он же ведь лучше вас знает, что ему на пользу и что ему не на пользу. Конституция предусматривает референдумы — непосредственное обращение к народу по ряду вопросов. Практически, однако, ни одного такого референдума не было. Давайте проведем такой референдум по вопросу о том, как надо понимать свободу слова, совести, печати. И посмотрим, что скажет народ в атмосфере свободного и беспрепятственного голосования.

Во всяком случае, несомненно одно: вечных режимов не бывает. Не может быть такого режима, в котором никогда ничего не будет меняться. Мудрость государственных деятелей заключается в умении понять необходимость таких перемен и осуществить их добровольно. Неумение вовремя понять необходимость таких перемен, упорное цепляние за изжившие себя формы называется в политике твердолобием, — и никогда и никому ничего доброго твердолобие еще не приносило.



Мы кратко остановились на московском варианте современного коммунизма. Мы старались быть максимально объективными. Мы, разумеется, не исчерпали и сотой доли всей полноты русской жизни, но, как нам кажется, уловили основ-

ную слабость московского коммунизма — государственный фетишизм. Это — коммунизм этатистский (государственный) в первую очередь. Эту основную черту — обоготворение государства — стремится преодолеть югославский вариант коммунизма. Мы называем этот вариант югославским не потому, что в Югославии он полностью развился (наоборот, в Чехословакии развитие, видимо, пошло значительно дальше, чем в Югославии), и не только потому, что основоположником этой концепции коммунизма является, несомненно, Броз Тито, но потому, что Югославия представляет собой вполне законченный, можно сказать, классический тип этой концепции коммунизма, отлившейся в определенную, вполне сложившуюся форму. Часто эту форму называют национальным коммунизмом. Это название, однако, не вполне точно, ибо национальный вопрос играет роль лишь второстепенного фактора в теории и практике югославского коммунизма.

Как известно, югославы удивили мир дважды: первый раз, когда в момент полнейшего торжества гитлеризма в Европе в 1941 году (всякое сопротивление Гитлеру было подавлено) они начали партизанскую войну (каюсь, я считал тогда все сведения о югославских партизанах выдумкой нашей пропаганды.) Второй раз югославы удивили мир в 1948—1953 гг., когда они сумели выдержать ожесточенный сталинский нажим — идеологический, экономический, политический и военный (к границе были стянуты войска и было объ-

явлено, что Югославия собирается напасть на... СССР).

Как известно, югославы выстояли. Вряд ли у Тито были тогда ясные, продуманные цели реформировать коммунизм. Вначале он хотел лишь защитить Югославию от сталинской унификации. Однако после того, как Тито, а заодно и все югославские коммунисты были объявлены фашистами, когда начался бойкот Тито в международном масштабе, — Тито и его окружение волевыми волеями стали искать новых путей развития.

Титовский коммунизм стремится преодолеть этатистскую тенденцию мирового коммунизма. Он стремится привлечь более широкие массы к управлению страной. Такой попыткой является создание народных советов в промышленности, более свободная, чем в других странах восточного лагеря, пресса, наличие некоммунистических деятелей в Скупщине. В сельском хозяйстве Тито показал пример новаторства, отрешившись от дефективной системы принудительной коллективизации и став на почву кооперации, более соответствующей специфическому характеру сельского хозяйства.

Было время, когда Тито казался наиболее смелым новатором коммунизма. Ныне его уровень уже давно превзойден. Польша и Румыния в разной степени осуществили у себя подобные же реформы. Французская и итальянская коммунистические партии выдвигают еще более смелые планы обновления коммунизма.

Наконец, чехословацкий эксперимент привлек к себе всеобщее внимание. Мы пользуемся случаем выразить свое глубокое уважение Александру Дубчеку, в отношении которого мы занимаем позицию, аналогичную Тито, Чаушеску, Вальдеку Роше, Луиджи Лонго. Мы выражаем этим благородным коммунистам свою благодарность за их позицию и поднимаем тост за югославско-франко-итальянское содружество коммунистов. Они ныне делают шаг в сторону неогуманистического движения, развертывающегося во всем мире.

6. НЕОГУМАНИЗМ

Мы рассмотрели все основные политические течения современности. Не нужно быть особенно внимательным и тонким наблюдателем, чтобы заметить, что все эти течения в значительной степени выдохлись. Конечно, из этого еще не следует что они клонятся к упадку, — все они насчитывают миллионы последователей, оказывают огромное влияние на международные дела и, что самое главное, располагают властью, властью, которая вовлекает в их орбиту огромные людские массы, независимо от того, разделяют они ту или иную идеологию или нет.

И тем не менее, идеологический кризис налицо: все эти течения постепенно размагничиваются, они уже больше не вызывают былого воодушевления, энтузиазма, — они больше не волнуют ро-

мантически настроенного юношу, девушку, готовую на самопожертвование, — политика начинает выдыхаться, она снова становится в глазах большого числа людей синонимом надувательства, демагогии, честолюбия.

Особенно остро ощущает идейный кризис молодежь. Скептицизм разъедает молодое поколение. Отсюда — полярность развития молодежи. Те, кто поглубже, уходят в разврат, пьянство, наркотики. Те, кто порасчетливее и покорыстнее, уходят в обывательщину.

Но лучшая часть молодежи ищет. Ищет. Ищет она не хлеба, а истины. И на этом фоне рождается новое движение — *неогуманизм*.

Мы назвали его неогуманизмом в отличие от старого, давнего гуманизма.

Неогуманизм так же, как и старый гуманизм, означает человечность, проповедует любовь к людям. Однако *старый гуманизм на передний план выдвигал понятие человечества, — неогуманизм выдвигает на передний план человека, человеческую личность*. Поэтому старый гуманизм — это нечто абстрактное, оторванное от жизни, инертное, интеллигентское.

Неогуманизм — конкретен, действен, динамичен, — это творческое мировоззрение, вдохновляющее и воодушевляющее, несущее романтический порыв, обращенное к самым широким массам.

Неогуманизм объединяет людей самых разнообразных верований, мировоззрений, партий. Всюду и везде неогуманизм выступает против не-

справедливости, против угнетения, против любого гнета — классового, расового, государственного. Неогуманизмом является движение Мартина Лютера Кинга — за освобождение американских негров. Неогуманизмом являлось движение Ганди за освобождение Индии. Неогуманизмом является движение европейской интеллигенции за мир, за права людей, за свободу, равенство, братство. В Европе это движение характеризуется такими именами: как Жан Мориак, Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, Генрих Бёлль и другие. У нас в России носителями неогуманизма являются такие люди как только что скончавшийся Константин Георгиевич Паустовский, как Вениамин Каверин, Евгений Евтушенко, Александр Солженицын, академик Сахаров и все те представители интеллигенции, которые известны под названием «подписантов», — люди, подписывавшие многочисленные петиции в защиту гонимых и преследуемых людей.

Под знаменем неогуманизма находятся многие верующие люди и многие честные коммунисты, многие сторонники социализма и многие сторонники других общественных форм.

Все мы, однако, имеем ясную и четкую программу. Все мы против бесчеловечности, произвола, жестокости.

Поэтому не случайно одни и те же люди во Франции, Англии, Италии и других странах подписывают протесты против зверств во Вьетнаме и против осуждения Синявского и Даниэля, Хаусто-

ва и Буковского, Гинзбурга и Галанскова, против расовой дискриминации и против франкистского террора, против маоистского режима и против рецидивов сталинщины в нашей стране.

Это священное знамя полыхает над миром, развеваемое весенним ветром, предвещая новую жизнь, новое счастье, подлинное возрождение этого старого мира. Это знамя возвещает подлинную мировую революцию — революцию духа...

Неогуманизм как общественное течение характеризуется непримиримой борьбой против всех форм угнетения, против всякого насилия и произвола. Ему и только ему принадлежит будущее.

Последнее слово

Я выразил ясно и четко свою политическую позицию. Яснее не скажешь. Но я — христианин. И прежде всего — христианин.

Общественный идеал христианства выразил В. С. Соловьев одним словом — *теократия*.

Теократия — боговластие, господство Христа над душами людей.

В мировой истории оно принимало разные формы. Попыткой воплотить в жизнь теократию была Священная Империя с гражданским центром в Константинополе, с духовным центром — в Риме. Однако это была лишь слабая, частичная попытка воплотить боговластие в жизнь. Богу в этой империи воздавались официальные почести, но фактически он занимал лишь небольшой уголок в сердцах людей. Такое же положение было в средневековых западных монархиях и в Русской империи.

Демократическая республика, светская и антиклерикальная, которую принесла миру Великая Французская революция, была на самом деле более высоким образцом теократии (боговластия), ибо она, сделав религию свободной, очистив ее от элементов государственного принуждения, сильнее привязала сердца многих людей к Христу.

Безгосударственное, подлинно свободное, бесклассовое общество, освободив человека от нуж-

ды, страха, насилия, — делает боговластие более широким, более глубоким, более интенсивным. Живой Бог восторгается тогда, когда умрут земные боги. Такое общество не может создать ни одно из существующих политических течений, оно будет создано Интернационалом — Интернационалом неогуманистов, который ныне создается в мире. И этот Интернационал несет гибель всем и всяким видам угнетения людей.

И мы, приветствуя смерть земных богов и воздавая славу единому Богу, — передаем в заключение слово двум молодым поэтам, вступившим в дружеский спор между собой.

Надежда Мальцева:

БОГИ

Когда нектаром и амброзией
Насытят боги свой живот,
Когда вконец наскучат козни
И сплетни — кто за кем идет,
Когда в руках им жезл железный
И жест красивый надоест,
Они услышат голос трезвый
Сквозь фимиам и благовест...

Как им захочется, наверно,
Вернуться снова в ад земной!
Вдохнуть румяный запах хлеба,
Воды напиться ключевой...
Но, поколебленные тронем,
Боясь упасть в глазах людей,
Они несут свои короны
И нимбы — посреди церквей.
И мудрость человечья наша
Уходит молча, — вся в седом,
Чтоб снова к жбану с хлебным квасом
Припасть голодным, жадным ртом.

Владимир Бороздинов:

Надежде Мальцевой

БОГ И БОГИ

Богов, с нектаром и амброзией,
С любовью женской и мужской,
Века испортили коррозией,
Пустой, пугающей тоской.

Угасли блещущие нимбы,
И не курятся им кадила.
И не нектаром, склепом им бы
Рука людская угодила.

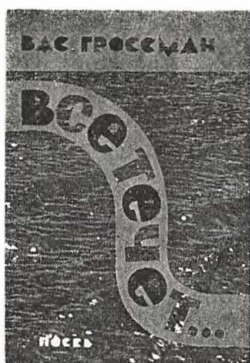
Но Бог богов пребудет вечно.
Он выше тающих веков.
Его вселенский Ум отмечен
Немым движеньем облаков.

Нет, мир Его не позабудет.
Хоть обольстит народы демон,
О Том, Кто был, Кто есть и будет,
Раскатом грома скажет небо.

Москва, июль 1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Орлиная песня	7
Слово христианина	33
О подлинной сущности христианства	33
О заповедях блаженства	45
О Царстве Божьем, возрастающем на земле	60
В гуще жизни	65
1. Расизм и антисемитизм	72
2. Партии, стоящие на позициях защиты капитализма	83
3. Христианская демократия	96
4. Социал-демократия	103
5. Коммунизм	114
6. Неогуманизм	148
Последнее слово	152



Вас. Гроссман

Все течет...

Социально-
критический
роман, вышедший
в Самиздате

Автор напумевшего романа «За правое дело»

В своем романе Вас. Гроссман развенчивает
культ личности Ленина

Обложка работы художника Н. И. Николенко
В книге — 208 стр.

Цена в твердом переплете — 18.80 н. м.,
в мягком — 15.50 н. м. В США и Канаде
— 6.30 ам. дол. и 5. 20 ам. дол.

Н. Горбаневская
ПОЛДЕНЬ

Книга в 4-х частях:

Красная площадь. — Дело о нарушении общественного порядка. — Шемякин суд. — Судьба Виктора Файнберга

В книге 500 стр. Мягкий переплет
Цена 17.— н. м. В США 5.— дол.

Анатолий Марченко
Мои показания

**Книга о вынешних советских тюрьмах
и лагерях**

Кроме текста записок автора, проведенного шесть лет в заключении и находящегося и сегодня в одном из лагерей, книга содержит все документы по так называемому «Делу Марченко» (его письма, петиции в его защиту, полная запись процесса И. Б. Белогородской и др.)

Цена 14.— н. м.
В США и Канаде 4.50 ам. дол.



Анатолий Эммануилович Левитин (Краснов) родился 21 сент. 1915 г. в Баку в семье мирового судьи — крещеного еврея. Мать — драматическая актриса, дочь директора гимназии и внука священника. С 1920 по 1942 г. семья жила в Ленинграде. Окончив среднюю школу, педагогический техникум, Ленинградский пединститут им. Герцена и пройдя аспирантуру, А. Э. Левитин долгие годы преподавал русскую литературу в средней школе (одно время и в вузе). После войны он поселился в Москве.

В 1949 г. А. Э. Левитин был арестован органами КГБ и заочно

осужден на 10 лет заключения. В 1956 г., после XX съезда КПСС, реабилитирован и вернулся учителем в свою школу.

С 1956 г. стал церковным писателем. Сотрудничал в «Журнале Московской патриархии» (опубликовал около 40 статей). В 1958 г. начал распространять машинописные статьи под псевдонимом А. Краснов. С 1959 г. был изгнан из школы и лишился сотрудничества в журнале. Опубликовал совместно с В. М. Шавровым «Очерки по истории церковной смуты» в 3-х томах, свои воспоминания «Закат обновленчества» и много статей (три сборника).

В 1965-66 гг. работал при различных церквях счетоводом, сторожем, истопником... Работать по специальности ему не давали и грозили высылкой как «тунеядцу».

А. Э. Левитина-Краснова неоднократно вызывали в КГБ и под угрозой репрессий требовали прекратить деятельность церковного писателя. Но он настаивал на праве защищать свои убеждения. 12 сент. 1969 г. он был арестован и обвинен по статьям 142 (нарушение законов об отделении церкви от государства) и 190¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) УК РСФСР. Следствие велось в Караганде и в Сочи 11 месяцев, после чего А. Краснов был выпущен за недоказанностью вины и вернулся в Москву. В декабре 1970 г. ему было вновь предъявлено то же обвинение. Суд состоялся 19 мая 1971 г. (8 мая А. Э. Левитин-Краснов был взят под стражу). Приговор суда: по статье 190¹ — 3 года лагерей общего режима, а по статье 142 — 1 год исправительно-трудовых работ по месту работы, с вычетом 20% зарплаты.

Стр о м а т ы — один из сборников его статей, которые вменялись ему в вину.